

КАТЯ ЛУАРСКАЯ

ВТОРАЯ ЖЕНА
ГОСПОДИНА
ЮРДЕНА

КНИГА ПЯТАЯ

Катя Луарская

Вторая жена господина Нордена. Книга 5

<https://litres.ru/74238572>

Аннотация

Если вы оказались в магическом мире и стали женой сурового менталиста, не отчаивайтесь. Мне, например, предстоит привыкнуть к роли местной аристократки и найти себя в новой жизни. И я, кажется, начинаю смиряться с тем, что никогда не вернусь в родной мир. Дело за малым: сделать так, чтобы муж увидел во мне спутницу жизни, а не часть какого-то своего плана.

Первая часть:

В тексте есть:

✓ Уже не такая унывающая героиня ✓ Всё ещё циничный герой ✓ Постепенное развитие отношений ✓ Много бытовых подробностей

Обложка: Butart

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	46
Глава 4	67
Глава 5	85
Глава 6	102
Глава 7	121
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Глава 1

Глава 1

Полина

Меня будто пригвоздило к полу. По позвоночнику пробежала дрожь. Я снова попыталась вдохнуть. Пальцы похолодели, намертво вцепившись в банку.

— Вы... знаете? — прохрипела я.

— Разумеется. — Адриэн подошёл к столу и сел. — Хотя легенда о потере памяти была неплохой. И вы сносно её поддерживали. Но, смею надеяться, я не зря занимаю своё место на службе.

Я наконец смогла нормально вздохнуть. Не глядя протянула дрожащую руку и поставила банку на разделочный стол. Гробовую тишину нарушил её гулкий стук.

— И... давно узнали?

— Начал догадываться примерно спустя неделю после свадьбы. — Он откинулся спиной на стену. — Когда вы так удачно приманили домового духа.

Щёки и уши тут же запылали. Я сцепила руки на животе и потупилась. А вот не надо было к мужику в постель прыгать.

— Окончательно убедился, когда снял с вас кольцо в «Сайлентисе», и вы ничего не поняли, — продолжил Адри-

Эн.

Я подняла на него взгляд. Кажется, весь ужас ситуации до меня только начинает доходить. Уже неделю, как Адриэн знает, что я не Элианна, а я всё это время так глупо продолжала притворяться... Так, подождите. Он меня по имени назвал! Я судорожно вцепилась пальцами с столешницу позади себя.

— Но откуда... откуда вы узнали, как меня зовут?

Идиотский вопрос. Понятно же, откуда. Но пусть сам скажет.

— Читал ваше сознание. — Голос Адриэна прозвучал совершенно бесстрастно. Как будто это нормально! Хотя что это я? Для него как раз и нормально. Я медленно втянула носом воздух.

— Как вы... как вы могли? — Руки начали подрагивать. — Вам достаточно было просто спросить! Я бы и так призналась.

— Мне важно было убедиться, что вы не состояли в заговоре с настоящей Элианной Азерис, что вас не подвергали опасным заклятиям. Вы рассказали бы только то, что знаете, однако тёмные заклятия как раз и отличаются тем, что человек не сознаёт, что с ним творится.

— Но если не сознаёт, как вы тогда поняли, что меня не подвергали заклятиям? — Голос предательски зазвенел.

— Менталисту при чтении сознания видно, делали что-то с разумом и памятью читаемого, или нет. Швы, тёмные

места, стёртые воспоминания.

Какой же кошмар... Так, подождите... Это что же получается?..

— Вы... сделали это в ту ночь, когда у меня случилось... «нервное переутомление»? — Я прямо посмотрела Адриэну в глаза. Он сидит, не меняя позы, и, кажется, совершенно не раскаивается.

— Да. К сожалению, я не знал, что вы так отреагируете на вмешательство. Я действовал очень мягко, чтобы вам не навредить, но...

На его скулах заходили желваки. А я будто снова ощутила, как в ту ночь раскалывалась голова и всё тело горело, словно в огне. Как я пыталась дышать, продираясь сквозь липкий, густой туман, как цеплялась за что-то важное. Как голову сжимали раскалённые обручи, заставляя выгибаться от боли. Это я, значит, по вине Адриэна так мучилась?

— Я думала, умру тогда, — прошептала я, продолжая цепляться за стол. — И потом ничего не могла вспомнить...

— Вы тогда и в самом деле едва не умерли. И я не снимаю с себя вины за это.

— Но и не раскаиваетесь, так ведь?

Адриэн сжал зубы и ничего не ответил. А у меня начало всё мутиться перед глазами. Ох уж эти слёзы. Вечно не вовремя! Я крепко зажмурилась.

— Вот теперь я верю, что вы беспринципный, циничный, безжалостный и... и...

Голос пресёкся от возмущения. Я не рискнула поднять взгляд на мужа, чтобы он не прочитал там всё, что сейчас о нём думаю.

— Не стану спорить, — спокойно ответил он. — Я в самом деле такой, как вы говорите.

Ему совершенно не стыдно. Он меня чуть не убил! В прямом смысле. И вот сидит себе, смотрит равнодушно, даже, кажется, ухмылка на губах появилась. Я уж молчу про то, что он мог «прочитать» в моих воспоминаниях! Про мою прежнюю жизнь, про предательство Антона, даже мои мысли после брачной ночи! Да мать его, это же... это... низко, подло и мерзко! Циничная сволочь. Элианна не зря сбежала, ох не зря!

Я сжимала и разжимала кулаки. Меня будто протащили голой по всему городу. Даже в воспоминания вторглись и растоптали. И ладно бы он хоть прощения попросил, так нет же, и не собирается... Я со свистом вдохнула. Кажется, запал постепенно заканчивается.

Но блин... Он же сказал, что действовал осторожно. И... потом на меня так смотрел... с явной виной. Я помню, хоть и чувствовала себя тогда ужасно. И книжку мне читал, и отваром отпаивал, и Рониэля приглашал. Я отлепилась от стола и сделала пару осторожных шагов в сторону Адриэна.

— Нет, вы не такой. Зачем вы сейчас делаете вид, будто мои слова вас не задевают? Вы ведь переживали за меня тогда.

Я подошла совсем близко, и Адриэн неожиданно отвёл взгляд. Много ли он увидел в моём сознании? Может, он видел только то, что связано с его миром и Элианной? Как это вообще происходит? И всё-таки неприятно думать, что он копался в моих мыслях.

— Потому что всё, что вы сказали, правда. — Адриэн вдруг потянулся и взял меня за руки. — Правда, но не отрицает того, что я потом в самом деле искренне за вас переживал и чувствовал вину.

— Почему не признались сразу? Хотели преподать мне очередной урок, заставив сознаться самой?

— Решил, что так безопаснее для вас. Пока вы притворяетесь Элианной, будете внимательнее. Другим вовсе не нужно знать, что вы не она.

Я невольно сжала его пальцы.

— Меня могут отдать под суд, как ту женщину из «Сайлентиса»?

Адриэн по своей привычке притянул меня к себе на колени. Ладно, глупо сопротивляться и дальше разыгрывать обиду. Позже я обязательно всё это обдумаю, а сейчас надо всё выяснить.

— По закону я обязан отдать вас под следствие как возможную шпионку. А что с вами делать дальше, должен решать суд.

Всё внутри будто в узел скрутилось. Хотя я ведь и так это знала, видела ту несчастную и то, что с ней сделали...

— Но вы же... не отдадите? — севшим голосом спросила я. Адриэн посмотрел на меня как-то странно. Во взгляде застыла обречённость.

— Я вне всяких сомнений беспринципный, циничный и безжалостный. Но с детства никому и никогда не отдаю то, что мне дорого.

Вот это новость. Очень интересно. Я кинула на мужа саркастичный взгляд.

— А с каких пор я вам дорога? Вы же не на мне жениться собирались.

— Не на вас. Но и брак с Элианной Азерис заключался отнюдь не по любви.

— Только не говорите, что *меня* вы вдруг полюбили.

— Не скажу. Потому что это было бы неправдой, а я человек честный. Однако смею считать себя ещё и здравомыслящим и прекрасно понимаю, что вы ни в чём не виноваты и не замешаны. — Он кинул мимолётный взгляд на плиту, где всё ещё грелся чайник. — Вы жертва заговора или обстоятельств. Я не считаю вас опасной для Империи, поэтому и отдавать под следствие смысла не вижу.

Я потянула вниз рукав платья и отвела глаза.

— Но ведь вы представитель правосудия. Если мою настоящую личность раскроет кто-то ещё, вам наверняка будет грозить наказание за несоблюдение закона. Разве нет?

— Будет. Но я не последний человек в Империи и вхожу в близкий круг Его величества. Думаю, могу рассчитывать на

то, что в моё положение войдут.

— А если не войдут? Меня могут... просто забрать от вас силой?

Адриэн слегка выпрямился, так что я оказалась чуть ближе прижатой к его телу.

— Если будет получен соответствующий ордер от высшей инстанции, но им понадобятся веские доказательства, чтобы его получить.

— Но ту женщину из «Сайлентиса» отдали под суд безо всяких доказательств.

Я судорожно вздохнула и потянула рукав ещё ниже. Адриан осторожно накрыл мою руку своей.

— Она оказалась здесь при совершенно других обстоятельствах, поэтому да, ей не повезло. Но вы замужем за мной. Никто не может без веских доказательств забрать вас у меня. — Он осторожно провёл пальцем по моему запястью и следу от браслета. — И вас в любом случае это тревожить не должно: я сделаю всё, чтобы вас защитить. Если понадобится, выведу за границу.

— Но... — Я запнулась и опустила голову. — Вам ведь было бы проще поступить по закону. Для вас я никто и...

— Что значит «никто»? — Он убрал руку и нахмурился. — Вы моя законная жена, нас соединил ритуал. Никто этого даже пытаться оспаривать не будет: в брачном кристалле именно ваша кровь.

— Вы же всегда можете сказать, что вас обманули, и, на-

верное, нас могут развести?

Адриэн тяжело вздохнул и покачал головой с таким видом, будто разговаривает с дурочкой. Осторожно заправил мне за ухо выбившуюся из косы прядку.

— Могут и разведут, если я этого потребую. Вы это хотите услышать?

— Мне просто неловко, что из-за меня вы нарушаете закон. Я ведь вам даже в качестве жены не нужна. Какой в этом смысл для вас?

Муж снова тяжело вздохнул и глянул на плиту.

— Вода уже закипела, нужно выключить и заварить отвар. — Он осторожно взяв меня за талию, приподнял и пересадил на соседний стул. Отошёл к плите и повернул конфорку.

Я сидела на стуле, продолжая держать руки на коленях и смотреть на них. Глаза начало щипать от слёз. Вот вроде я ни в чём и не виновата, но почему же так мерзко на душе? Будто подставляю человека, который вроде как хочет меня спасти.

— Никакого смысла тут нет. — Спокойный голос Адриэна нарушил повисшую в кухне тишину. — Просто личная прихоть. Желание оставить вас при себе. Я бесконечно уважаю закон, но иногда приходится делать выбор между ним и собственными чувствами. Я, конечно, тот ещё циник и не слишком люблю людей, но вы вызываете у меня сочувствие.

Он замолчал, взял со стола банку со смесью для отвара и вынул из ящика ложку. Да уж, очень мило — вызывать у мужчины сочувствие. Не желание, не нежность, не любовь.

Сочувствие! Спасибо, что не жалость. Хотя он, может, так и сказал, и дело в переводе.

— Ну и не стану скрывать, что вы по-своему мне нравитесь, — вдруг добавил он, не оборачиваясь. — У вас спокойный и покладистый нрав, с вами легко, к тому же вы симпатичная женщина. Я не против, чтобы вы жили со мной под одной крышей и дальше играли роль жены. От вас взамен ничего не требуется, разве что иногда выходить со мной в свет. Я женился, чтобы положить конец слухам о себе, и вы для этого подходите ничем не хуже Элианны.

Я сцепила руки и судорожно их сжала. Наверное, не стоит докапываться, но раз уж начала, хочу выяснить всё до конца.

— Но вы можете отдать меня под следствие, развестись и найти другую девушку на роль жены. Вокруг столько молодых родовитых особ. За вас любая пойдёт.

— И стать всеобщим посмешищем? — Адриэн развернулся, держа в руках многострадальную банку. — Да сплетники желчью захлебнутся, как же — такой повод: главного дознавателя Империи обвели вокруг пальца, как последнего болвана, подсунули вместо невесты другую девушку, а он даже не понял. Такое никаким новым браком не перекроешь.

Он как-то грустно усмехнулся и отвернулся к разделочному столу. Значит, дело вообще не во мне и даже не в сочувствии, о котором он говорит. Просто боится позора. Я тяжело вздохнула, наблюдая за Адриэном. Он засыпал наконец смесь в чайник, накрыл его полотенцем и вернулся к столу.

Сел и снова откинулся спиной на стену, но на колени меня сажать не стал.

— То есть держать меня при себе, заботиться, ещё и рисковать перед законом для вас проще? — Я посмотрела ему в лицо.

— Что вы хотите от меня услышать? Я вроде бы уже сказал, что вы вызываете у меня сочувствие. К тому же, мы с вами были близки, а значит, не совсем чужие друг другу люди.

А ведь он, наверное, знает о моём плане соблазнения. Щёкам стало горячо, и я наклонилась, притворяясь, будто расправляю складочку на платье.

— Да разве это достаточная причина? — Я с трудом совладала с голосом, но в нём всё равно прозвучала горечь. — Я ведь даже не аристократка по вашим меркам. Там, откуда я родом, люди могут спать друг с другом и жить вместо до свадьбы, чтобы проверить отношения в быту. Аристократия почти исчезла, и все слои общества равны. — Я провела пальцем по подолу. — Так что для вас я вряд ли сильно отличаюсь от девицы из борделя. И какой смысл за меня сильно переживать? Что взять с простолюдинки?

Адриэн выпрямился и попытался посмотреть мне в лицо.

— Боги, Полина, что вы несёте?

Но я упрямо не поднимала головы. Муж молчал, и я очень осторожно глянула на него из-под полуопущенных ресниц. Он прижал пальцы к вискам и явно пытается успокоиться.

— Вы переволновались, — наконец выдал он и явно со-

брался встать. — Сейчас налью вам успокоительного зелья.

— Не... не надо. — Я тут же дёрнулась. — Мне просто... непонятны ваши мотивы, вот и всё.

Адриэн пожал плечами и к нему вдруг вернулись холодность и надменность.

— Не ищите в моих словах скрытые смыслы. Вы моя жена по законам нашего мира, наш брак подтверждён, а значит, вы по закону принадлежите мне. А я, как уже сказал, никому не люблю отдавать то, что считаю своим. А всё, что считаю своим, мне дорого по определению. Чем вас не устраивает такой ответ?

Я снова опустила голову и сложила руки на коленях.

— Я не говорила, что он меня не устраивает.

Нет, Адриэн не скажет, что ему дорога именно я, такая как есть. Потому что... потому что это не так? И чего я жду?

— Есть и ещё момент, — сухо и холодно продолжил муж. — Если я отдам вас под следствие, это будет равносильно убийству. А это хуже, чем нарушить закон, не сдав вас. Я далёк от святости, но убийцей, пусть и косвенно, быть не хочу.

По телу будто проползла холодная волна, и я поёжилась.

— П-почему это убийство?

— Ну, во-первых, вести следствие будут другие люди. Мне, разумеется, не позволят, потому что вы моя жена, и я могу быть предвзят. Надеюсь, вы это понимаете. — Адриэн поправил воротник рубашки. — Пока оно идёт, вас прочитает не один менталист и, боюсь, вы просто этого не пере-

живёте, потому что они не будут действовать осторожно. — Он снова поднялся, прошёл к шкафчикам и продолжил, стоя ко мне спиной: — Но даже если по счастливой случайности переживёте и останетесь в здравом уме, вас, как молодую и здоровую женщину, отправят приносить пользу на рудники. А там есть свои негласные законы. И по одному из них молодых и симпатичных женщин вроде вас надсмотрщики и стража не отправляют на работы, а забирают себе, потому что на рудниках это редкость. Обычно пользуются по очереди: передают друг другу спустя оговорённое время. Но иногда развлекается и по несколько человек сразу. Играют на каторжанок в карты, спорят, даже устраивают драки за право обладания. — Он открыл шкафчик и достал оттуда чашки.

У меня пересохло в горле, а по ногам разлилась слабость. Хорошо, что сижу. Я судорожно скомкала подол платья, наблюдая, как Адриэн ставит чашки на стол.

— Начальство знает, но старается не вмешиваться, — тем временем продолжил Адриэн. — Во время инспекций наводят порядок, но потом всё возвращается обратно. Как правило, преступницы выглядят не лучшим образом и далеки от ухоженных дам с безупречными манерами, поэтому красивые женщины там долго не живут. От такой жизни чаще всего кончают с собой. Иногда погибают от болезней, в родах или от побоев. Их, конечно, по-своему берегут, однако хрупкие женщины не могут долго служить игрушками в руках целого отряда грубых мужланов.

Я вся будто заледенела. Губы задрожали, по телу пробежал озноб. А Адриэн, словно нарочно продолжил меня пугать.

— Впрочем, и тюрьма отнюдь не лучший вариант. — Он снял с чайника полотенце и взял его в руки. — Там тоже хватает стражи, которая развлекается примерно такими же способами. Так вот, возвращаясь к вашим нелепым предложениям... Вы хотите, чтобы я обрёк вас на подобную участь? Считаете, что я способен, особенно после всего, что вы уже пережили отчасти по моей вине?

Я хотела ответить, но воздух никак не хотел заполнять лёгкие. И не только от страшных рассказов. Я ведь так долго убеждала Адриэна в том, что ему стоит поступить по закону и хотела услышать, что хоть немного ему дорога. А он просто пытается защитить меня. И какая разница, что им движет? Я кое-как поднялась, вцепившись в стол. Адриэн так и стоял ко мне спиной и как раз закончил разливать отвар по чашкам.

От возникших в голове страшных образов меня пошатывало. Кое-как сделав пару неуклюжих шагов, подошла к мужу сзади, обхватила за пояс и прижалась щекой к спине. Знаю, знаю, он не любит, когда подходят сзади, но мне сейчас всё равно. Мне надо сказать... Я попыталась заговорить, но вместо слов вырвался жалобный всхлип. Ну приехали... Я уже плачу бессознательно?

Адриэн явно напрягся и весь как-то застыл, но продолжил стоять неподвижно и молча.

— С-спасибо вам за... за то, что спасаете м-меня, — с трудом выдавила я. — Даже не знаю, как мне вас благодарить. Что бы вы ни говорили, но вы очень хороший!

Я ещё громче всхлипнула и сильнее сжала объятия. И какая разница, что он обо мне подумает?

— Вы сегодня всё-таки собираетесь устроить наводнение в кухне, — с явной усмешкой сказал он. — Сначала чуть не налили слёз в воду для отвара, теперь вот снова плачете. А ещё сейчас точно меня раздавите.

Я тут же отпрянула от него, резко отступив назад. Да уж, вцепилась в бедного мужика, как будто меня уже под следствие забирать пришли. Однако Адриэн развернулся и привлёк меня к себе.

— Кстати, о чём вы так проникновенно пели, что едва не расплакались? — спросил он, слегка поглаживая меня по спине.

Я уткнулась лицом куда-то ему в плечо и снова всхлипнула.

— Это... песня... про края, откуда я родом. В ней поётся про то... про то, как дороги герою песни вечера в родных местах...

Последние слова прозвучали с таким надрывом, что я сама ещё сильнее расчувствовалась.

— А я... никогда... никогда больше не... не вернусь туда. Адриэн провёл рукой по моим волосам и вздохнул.

— Я попытаюсь сделать всё возможное, чтобы вернуть вас

домой, однако сразу скажу, что не могу вам ничего обещать, потому что пока не очень понятно, как это осуществить.

Я судорожно всхлипнула и сжала в кулаке ткань его рубашки. Его слова с трудом пробились через окутавший сознание туман. Стоп. Что он сейчас сказал? Вернуть меня домой? Я так резко вскинула голову, что едва не ударила его лбом в подбородок.

— Вы... сможете вернуть меня домой?

— Не уверен, поэтому и сказал, что ничего не могу обещать. — Адриэн вздохнул и опустил руки мне на талию. — Однако я уже поговорил об этом с Яником.

— Подождите... Вы рассказали ему, кто я?

Он недовольно поморщился.

— Да, пришлось. Потому что он всё-таки маг перемещений и о порталах знает гораздо больше меня. Он обещал пока начать осторожно узнавать всё про межмировые порталы. У нас они официально запрещены, но это не значит, что создать их невозможно.

Я кивнула и заправила за ухо прядь волос. Неудобно спрашивать, но... разве безопасно раскрывать мою личность?

— Рониэль тоже в курсе. — Адриэн медленно отпустил меня. — Я счёл нужным поставить его в известность, когда он спасал вашу жизнь после... вмешательства. Подумал, что ему нужно знать о вашем иномирном происхождении. Но не переживайте за безопасность: разумеется, они оба принесли клятву на крови, так что выдать вас не смогут, даже если

захотят. Хотя они в любом случае не станут.

Щёки всё-таки начали краснеть.

— Только не думайте, будто я считаю ваших друзей ненадёжными, — прошептала я.

— Питать закономерные сомнения в людях — совершенно нормально. — Адриэн заглянул мне в лицо и слегка улыбнулся, но взгляд остался серьёзным. — Я тоже старался предусмотреть возможные риски. Однако то, что друзья знают о вас, меня успокаивает. Если со мной вдруг что-то случится, они о вас позаботятся.

На глаза снова навернулись слёзы, и я горячо замотала головой.

— Не говорите о таком, прошу вас! Я не переживу, если с вами что-то случится. Вы ведь тоже мне уже не чужой.

Адриэн вздохнул и снова притянул меня к себе.

— Никогда не знаешь, что может произойти даже через минуту, поэтому стоит учесть все возможные ситуации. Эксерс и Рэмис надёжные люди, и я могу официально передать им право опеки над вами в случае моей смерти.

Кажется, у меня сейчас мозг плавиться начнёт от всех открытий сегодняшнего дня.

— Но вы говорили, что у вдовы гораздо больше прав. А получается, что муж может просто передать жену под опеку? И что это значит?

Я вытерла глаза ладонями. Выгляжу сейчас, как маленькая глупая девочка.

— Давайте я всё же разолью отвар. Мы сядем, и я вам объясню, что к чему. — Он слегка погладил меня по плечу и отстранился.

— Да, конечно, как скажете. Только мне надо умыться. — Я подошла к раковине, включила воду и поплескала на лицо. Адриэн в это время разлил отвар и отнёс чашки к столу.

Подождал, пока я подойду, и подал руку, помогая сесть. От этой вроде бы пустяковой заботы во всём теле разлилось тепло, и я улыбнулась, расправляя платье на коленях. Адриэн тем временем тоже сел, сделал глоток из чашки и удовлетворённо кивнул. Я осторожно взяла чашку за ручку и повернула на блюде.

— Так вот, опека в случае вдовы не означает, что вас будут контролировать или заставлять принимать какие-то нужные опекунам решения. — Адриэн посмотрел на отвар. — Подобного права она не даёт. Но вам в случае необходимости окажут помощь: предоставят жильё, помогут распорядиться финансами, нанять поверенного в делах, проверят надёжность желающих посвататься... В общем, просто протянут руку помощи, если возникнет необходимость.

— Но зачем это нужно самим опекунам? — Я осторожно прижала руки к чашке. — Кто соглашается взять на себя ответственность за чужую женщину?

— Как правило, вопрос об опеке решается женщиной и её мужем. Насильно назначить опекуна нельзя, поэтому согласие женщины здесь первостепенно. Опекунами выступа-

ют родственники — неважно, с чьей стороны, лишь бы были надёжные люди. — Адриэн с задумчивым видом покрутил чашку. — Ведь женщине труднее управляться с хозяйством, каким бы оно ни было: все хотят иметь дело с мужчинами. Бывает, что женщина оставляет опекунам какую-то часть наследства, иногда это помощь по родственной любви или дружбе, как в нашем случае.

Я кивнула и всё-таки поднесла чашку к губам, отпила немного и вздохнула. Понимаю, что Адриэн хочет предусмотреть любые риски, но как же больно даже представлять жизнь без него. В чужом и враждебном мире. Пусть даже под «опекой» хороших людей...

— Прошу вас, не принимайте мои слова так близко к сердцу. Я рассказываю вам обо всём этом на всякий случай. Чтобы вы не волновались, если со мной что-то случится. Вам ведь кто-то должен рассказывать о нашем мире и его законах.

— Да, конечно. — Я подняла голову и попыталась улыбнуться. — И я вам очень благодарна за это. Но... я ведь переживаю не за себя. Ну то есть... за себя тоже, конечно. Я не пытаюсь сейчас казаться лучше, чем есть. Однако не стану скрывать: я благодарна судьбе, что она свела меня именно с вами. — Я запнулась и прижала обе руки к чашке. — Кажется, у меня не получается выразить мысль. В общем, я желаю вам жить ещё очень долго не ради собственного благополучия, а ради вашего.

Адриэн вдруг как-то очень тепло улыбнулся, протянул руки и осторожно накрыл мои пальцы.

— Я понял вашу мысль, хотя и здорового эгоизма стесняться не стоит. Кроме меня в этом мире у вас никого нет, и вполне естественно, что вы не хотите меня потерять.

Я вздохнула. Всё равно как-то неловко выходит. Адриэн убрал руки и снова взял чашку. Я тоже сделала пару глотков. Он сказал, что не хочет отдавать меня, потому что мы уже были близки и всё такое. Значит, если бы не были...

— Адриэн, а... можно спросить кое о чём? — осторожно начала я, снова обхватив чашку.

— Вы уже спросили. — Он подмигнул. — Но можете спросить ещё.

— А если бы... если бы вы сразу поняли, что я не Элианна? Ещё до брачной ночи? Может, даже до свадебного обряда? Вы ведь... не пожалели бы меня?

Адриэн мимолётно отвёл взгляд, но тут же прямо посмотрел мне в глаза.

— Для меня вы были бы просто самозванкой, и я по долгу службы сделал бы то, что должен. Что до жалости... Я утратил способность к этому чувству семь лет назад. Поэтому нет, у меня не нашлось бы причин жалеть незнакомую мне девушку.

— Понимаю. — Я сильнее сжала чашку и опустила взгляд на отвар.

Внутри будто застряла огромная заноза. Но я ведь знала

ответ на свой вопрос. И по-своему Адриэн прав: я была бы для него просто самозванкой, чужачкой, иномирянкой. Подследственной, в конце концов. И правда, с чего он должен жалеть непонятную девицу?

— Именно поэтому я очень рад, что не знал, кто вы на самом деле, — тихо прибавил Адриэн. — Вы избрали правильную линию поведения, стараясь подстроиться под обстоятельства. И я ценю ваше здравомыслие.

Я опустила взгляд, ощущая странный трепет во всём теле. Как же приятно, что он меня хвалит! Хотя я ведь ничего и не делала, просто была собой.

— Но у меня всё равно не вышло убедительно играть роль Элианны. — Я поболтала отвар в чашке. — Взять хотя бы слуг: у нас в мире они есть только в богатых семьях. Люди сами о себе заботятся, женщины работают наравне с мужчинами. А ещё я старше Элианны.

— Уверяю вас, даже у самого гениального актёра не получится вжиться в роль другого человека настолько, чтобы никто ничего не заподозрил. Шпионов этому учат годами, и то они не всегда справляются.

Ага, значит, разведка тут тоже есть. Хотя чему я удивляюсь?

— Думаете, Азерисы могли догадаться, что я не их дочь?

— У меня мелькнула версия, что всё это — их общий сговор, и они сразу были в курсе. — Адриэн допил отвар и вернул чашку на блюдце. — Однако это лишь одно из предполо-

жений. Маловероятно, что Бруно и Орелия стали бы сознательно рисковать репутацией. Не исключая, что они в самом деле приняли вас за Элианну, потому что вы похожи, да и кольцо даёт лёгкую иллюзию. И только зная, что вы не она, начинаешь чётко видеть разницу.

— Но ведь она их дочь. — Я тоже сделала большой глоток, осушив содержимое чашки. — Неужели родители могли так ошибиться, даже с иллюзией?

— Родительская привязка работает таким образом, что чем старше ребёнок, тем меньше отец его чувствует. — Адриэн выпрямился и посмотрел на чайник. — Единственное, что Бруно Азерис точно почувствовал бы, это смерть дочери. Но, полагаю, Элианна жива и здорова, поэтому вряд ли он или его супруга могли заподозрить подмену. То, что на месте дочери могла оказаться иномирянка, слишком невероятно, чтобы предполагать такой вариант.

— Думаете, Элианна и её... жених переместились в мой мир?

— Учитывая, что кольцо вы нашли там, скорее всего так и есть. Привязка портала на артефакт — крайне редкое явление. Думаю, дело в том, что Дарриен не инициированный маг перемещений, так что мог по ошибке такое сделать. Но допускаю и сговор и то, что они с Элианной переместили вас сюда нарочно, чтобы побег обнаружили как можно позже.

Блин, и всё-таки как же здорово вот так разговаривать с Адриэном обо всём этом! Слушать его предположения, спо-

койно говорить самой... Он тем временем встал и пошёл к плите, а я повернулась к нему.

— Они и виделись со мной только в первый день, когда звали по очереди на разговор, и потом за обедом и ужином, поэтому, думаю, не особенно разглядывали.

— Тем более. К тому же они явно опасались скандала или того, что я отменю свадьбу, и не слишком задавались вопросами. Однако всё это нужно, конечно, выяснить позже.

— Вы поэтому не сразу поняли, что женились не на той? Из-за иллюзии? — Я повертела пустую чашку.

Адриэн зажёл конфорку и поправил чайник.

— Я не настолько близко знал Элианну, чтобы сразу разглядеть разницу. К тому же сначала и правда поверил в легенду о потере памяти: в конце концов, Элианна вела себя непривычно тихо и покладисто, она точно не смогла бы так искусно притворяться, потому что ненавидела меня. — Он повернулся, и на губах появилась полуулыбка. — Но потом начал присматриваться, размышлять. Казалось слишком странным, что потеря памяти такая серьёзная и повлияла даже на нрав Элианны. Я, конечно, не тёмный целитель, — он невесело хмыкнул, — однако полагаю, что человек не может измениться настолько. Кстати, за визит в лечебницу я тоже прошу у вас прощения.

— Ну, я ведь могла признаться, и вы никуда не повезли бы меня. — Я провела пальцем по краю блюда. — Но побоялась, а после того, как увидела ту несчастную, стало со-

всем жутко. Хотя я и так понимала, что роль Элианны мне не очень удаётся. Остаётся надеяться, что больше никто ничего не заподозрил. — Я поёжилась.

— Когда я читал ваши воспоминания, показалось, будто целитель Азерисов догадался о том, что вы не Элианна.

— Дэнвин? Почему вы так решили?

Адриэн пожал плечами.

— Он в какой-то момент странно посмотрел и перестал называть вас по имени. Согласитесь, это наводит на мысли.

Я улыбнулась, вспомнив Дэнвина и его заботу. Хотя те мешочки, конечно, не мне предназначались, но какая разница? Если он догадался, *мне* мог вообще ничего не давать и никак не помогать.

— Если это правда, то мне надо благодарить и его тоже за то, что не рассказал ничего Бруно.

— Когда-нибудь обязательно выясним, прав я в своих догадках или нет. — Адриэн подошёл к столу с чайником.

— А когда вы собирались признаться, что знаете правду о моей личности?

Он замер и посмотрел на меня.

— дождался бы подходящего момента. А может, вы сами решились бы признаться. Мне в любом случае нужно от вас название мира, но Рэмис вряд ли так уж быстро разузнает про межмировые порталы.

Я медленно кивнула, и муж принялся разливать отвар по чашкам. Подперев голову рукой, я внимательно наблюдала

за ним.

— А как вы... читаете память? Видите все воспоминания человека, начиная с детства?

— При желании да, но читающий видит воспоминания в обратном порядке. — Адриэн не поднял головы, сосредоточившись на своём занятии. — Пролистывает их до определённого момента и читает. И чем глубже входит в сознание, тем тяжелее и ему, и читаемому.

Я снова опустила голову. Не хочу знать, что он увидел. Или всё-таки хочу?

— Я успел прочитать не так уж много. — Он подвинул ко мне чашку. — Видел вас на службе в вашем пансионе, с женой, подругой. Полагаю, я пролистал не больше полугода.

— Пансионы у нас редкость, — улыбнулась я, стараясь не выдать эмоций. — А я работаю... работала в школе. Не знаю, как вам это переводит кольцо, но, в общем, там учатся десять лет, с семи до семнадцати. Каждый день в определённые часы приходят на занятия, потом уходят домой. Я преподавала там иностранный язык.

— Про иностранный язык я как раз понял. — Адриэн отнёс чайник на плиту и снова сел за стол. — Мне интересно будет послушать про ваш мир. Кстати, как он называется? Это упростит Рэмису поиски.

— Ну, наша планета называется... — Я на всякий случай сняла кольцо и чётко произнесла: — Земля. — Вернула кольцо. — А страна, откуда я родом... — снова стянула свой

незаменимый артефакт, — Россия.

Адриэн одними губами повторил за мной и кивнул. Я надела колечко и взялась за ручку чашки.

— В нашем мире очень много языков, и на каждом названия звучат по-разному. Я могу назвать варианты ещё на пяти языках от силы.

— Когда закончим с отваром, напишете известные вам варианты на известных вам языках, я передам их Рэмису.

— Да, конечно. А ещё страна, где я живу, очень большая, поэтому, наверное, чтобы построить портал, нужно знать город. А то забросите меня далеко без денег и документов.

Я представила себе, как вываливаюсь из портала где-нибудь на Камчатке, и нервно усмехнулась.

— Ну, о городе говорить пока точно рано. Мы всё уточним, когда появятся более конкретные сведения. Завтра скажу Янику, пусть начинает заниматься. — Он пожал плечами, и мы замолчали.

Я мелкими глотками пила отвар, Адриэн тоже взял свою чашку. Но почти сразу нарушил повисшую тишину.

— Может, хотите спросить меня о чём-то ещё? Конечно, у нас впереди много времени для рассказов о мирах, но вдруг у вас есть насущные вопросы.

Вопросов-то у меня миллион, но вот голова уже идёт кругом от всего происходящего. Я потёрла виски.

— Я... много чего хотела бы узнать. Однако боюсь, что совсем вас замучаю. Да и мне... надо уложить в голове то,

что вы знаете, кто я.

Я неопределённо махнула рукой.

— Не волнуйтесь, вам и правда стоит отдохнуть. Пьесу дослушать хотите?

— Ну... если не сложно. — Я застенчиво улыбнулась мужу. — Мне интересно, чем она закончится.

— Хорошо. Тогда допивайте отвар, и вернёмся в кабинет.

Глава 2

Глава 2

— *«Все поздравляют молодых и пьют за их здоровье. Старый император со свитой утирают слёзы умиления. Занавес».*

Адриэн с чувством захлопнул папку и бросил на меня многозначительный взгляд. Жених-простолюдин и правда оказался внебрачным сыном императора, рождённым от любимой фаворитки и отданным на воспитание крестьянам. Когда его отцу некому стало передать престол, он вспомнил о бастарде. Я рассмеялась и подалась вперёд в кресле.

— Вы были правы в своих предположениях. Хотя, местами было даже трогательно. Особенно если не читать, а смотреть в театре.

— Я же говорил, что женщинам такое нравится. — Адриэн побарабанил пальцами по папке. Вид у него уставший.

— Вполне красивая история, хоть и не слишком правдоподобная. — Я пожала плечами. — Однако меня всё время мучил вопрос: откуда бы вам знать, чем заканчиваются такие пьесы? Вы не похожи на завсегдатая театров.

— Ну, в театрах я всё-таки бывал. Давно. — Он положил папку на стол и повернулся ко мне. — К тому же приходится иногда посещать благотворительные вечера, а там театраль-

ные кружки вроде того, куда зазывали вас Мэдейлин и Иния, часто показывают такие вот незатейливые пьески.

Он щёлкнул пальцами по папке. Я задумчиво потёрла висок.

— И что, неужели они все настолько одинаковые?

— Могут различаться обстоятельства, имена, характеры.
— Адриэн усмехнулся. — Но в целом да, они все очень похожи. Есть и вариант, когда юноша-аристократ влюбляется в девушку-простолюдинку, но такие пьесы не столь популярны, ведь их ходят смотреть дамы-аристократки, и первый вариант кажется им романтичнее.

Ну прямо как сериалы про простушек в столице, которые снимают в нашем мире. Я улыбнулась.

— По-моему, вы зря придираетесь, и это забавно. Ну во всяком случае, в первый раз и правда весело такое послушать. У нас тоже есть такие вот книги, пьесы и фильмы... Фильмы — это... по сути те же пьесы, только их снимают на плёнку... а сейчас уже есть и другие способы. Но, признаюсь, я не могу объяснить всё это вам с технической стороны. В общем, их можно смотреть даже у себя дома.

Адриэн слушал очень внимательно и понимающе кивнул.

— Я видел в ваших воспоминаниях какую-то прямоугольную штуку, в которой как раз, наверное, и показывали то, о чём вы рассказываете. Люди там что-то говорили.

Блин, всё-таки до сих пор не могу смириться, что Адриэн гулял по моему сознанию. Я, конечно, смотрю приличные

фильмы. А вот если бы решилась включить что-нибудь эротическое? Сейчас бы точно со стыда сгорела. Наверное, лучше не рассказывать Адриэну подробностей о том, какие ещё фильмы снимают в нашем мире. Да и в театрах иногда тоже ставят всякое...

— В нашем мире нет магии, но зато развита наука. Учёные изобретают всякие технологии... в общем, всякие полезные и облегчающие жизнь вещи. Смотреть фильмы можно в специальном театре на большом... — я стянула колечко, — экране. — Снова надела колечко. — А ещё дома на таких... скажем так, артефактах, если по-вашему. Они называются... — я снова сдвинула кольцо, — компьютер, ноутбук, смартфон или планшет.

Вернула колечко на место и притворилась, будто пытаюсь удобнее пристроить руку на подлокотнике.

— Сколько интересных слов, — улыбнулся муж. — Меня очень забавляет этот ваш звук «ш-ш».

«Ш-ш» в его исполнении и правда звучит забавно.

— В вашем языке даже похожего звука нет?

Он покачал головой.

— В воспоминаниях я слышал, как вас называли Полюш-шка. Мне понравилось ваше уменьшительное имя.

Я повертела на пальце колечко и улыбнулась.

— Вообще, таких уменьшительных вариантов моего имени много. В нашем языке можно сокращать имена как угодно. Меня, например, можно называть Поля, Полечка, По-

ленька, Полюшка, Полинушка, Полиночка, Полинка, Полька, Полик. — Я прыснула, прижав ладони к щекам. — Поля — это нейтрально, Полька или Полинка — фамильярно, Полечка, Поленька, Полюшка, Полинушка — для самых близких. Полиночка — для тех, кто просто хочет обратиться более или менее ласково, но не как к близкому человеку. Думаю, как-то так.

Знаю, что некоторые ещё зовут Полин Линами, но, пожалуй, пока поберегу эту информацию. А Адриэн, будто что-то почувствовав, бросил мимолётный взгляд на отвёрнутую рамку. Но сразу же повернулся ко мне и весело подмигнул.

— Я запомню, Поленька. — Он стянул со стола карандаш и повертел его в руках. Вот любит он карандаши тискать. А у меня, между прочим, уши краснеют, потому что он назвал меня Поленькой. Для самых близких, значит?

— Кстати, почему в вашем полном имени нет звука «о», а в уменьшительных есть? — Адриэн отвлёк меня от волнующих мыслей.

— Это особенность языка, — ответила я, сцепив руки на коленях. — Если на «о» не падает ударение, его читают, как «а». А вот в языке, который я преподаю, моё имя звучит как Полин, и, как видите, «о» там произносится как «о». Ваше имя в этом языке кстати тоже есть и звучит так же. Может, наши миры связаны сильнее, чем кажется?

— Кто знает. — Адриэн пожал плечами и задумчиво посмотрел на свои руки. — Кажется, не только вам придётся

учить наш язык, но и мне ваш.

— Ну, если только вы решите погостить в моём мире. Конечно, при условии, что туда можно будет попасть. — Я вздохнула и слегка откинулась на спинку кресла. — Я была бы рада показать вам свои родные места.

— Я немного уже посмотрел вашими глазами, но не скрою, что было бы и правда интересно увидеть всё самому.

— Тогда я вас заранее приглашаю в гости.

Блин, как же всё-таки странно... Не то чтобы мне нравилась роль Элианны, но к ней я уже как-то даже привыкла. А теперь, вернувшись к себе самой, я будто не на своём месте.

— Благодарю. — Адриэн серьёзно кивнул. Вот поклона ещё не хватает для большей официальности.

— Тогда договорились.

Я вздохнула. Засмотрелась на изящные пальцы мужа. Конечно, вряд ли он и в самом деле хочет гостить в моём мире. Просто из вежливости принял приглашение. Но даже если и правда погостит, всё равно потом уйдёт. И мы никогда больше не увидимся. Почему под рёбра будто нож воткнули? Мне бы радоваться, что есть шанс вернуться домой, а я вместо этого грущу. А ведь всё на самом деле хорошо. Даже слишком.

— Адриэн, я... хотела попросить у вас прощения.

— За что? — Он приподнял брови, и карандаш в его пальцах замер.

— Ну, там, в кухне, я так долго допытывалась, почему вы

не хотите отдать меня под следствие. Я просто... переволновалась, наверное. Мне бы благодарить вас, а я повела себя как полная дуручка. На вашем месте сама бы устала и отправила себя под следствие.

Адриэн подался вперёд, протянул руку и накрыл мою ладонь.

— Я вполне могу представить ваше состояние. — Он осторожно погладил мои пальцы. — На вас слишком много всего свалилось за эти дни, а за сегодняшний вечер особенно. Надеюсь, что мои объяснения в кухне вас устроили.

Я смущённо потупилась.

— Вы вообще не были обязаны ничего мне объяснять. Вы мне жизнь спасаете, да и вообще... И, знаете, я тут подумала...

— Да? — Он ещё раз слегка сжал мою руку и отпустил.

— Как-то неправильно, что вы заботитесь обо мне, защищаете, оберегаете, даже вот нарушаете закон. Хотите помочь вернуться домой. А я ничего не могу дать взамен и буду просто жить у вас, ожидая, когда ваш друг разберётся с порталом. Я чувствую себя неловко.

Кажется, Адриэн хотел что-то ответить, но я замотала головой и продолжила:

— Только не упоминайте про выходы в свет и формальную роль жены. Это такая ерунда, что даже говорить не о чем. Опять же, мне толком и усилий никаких прилагать не придётся.

— Я ведь делаю всё, что вы перечислили, не ради отдачи от вас. — Адриэн задумчиво посмотрел на папку с пьесой. — Считайте, что это просто... моя прихоть. Этакое сумасбродство старого вдовца. Я много лет ни о ком не заботился, и вот теперь появились вы. Мне нравится мысль, что вы полностью от меня зависите, и я могу делать для вас что-то хорошее и чувствовать себя хозяином вашей судьбы. Могу быть добрым, а могу и нет. Всё зависит от настроения и вашего поведения.

Я с подозрением посмотрела в его лицо. Адриэн как раз повернул голову и ответил мне очень серьёзным взглядом. Но меня уже не проведёшь: искорки в глазах выдают его с головой. Вот же зараза. И ведь так убедительно говорит, что впору поверить!

— Как вам не стыдно ёрничать в такой момент? — Я тоже постаралась, чтобы голос звучал серьёзно. — Я переживаю, рассказываю о своих чувствах, а вы, как обычно, нашли повод позубоскалить.

— Полагаю, вы уже начали привыкать к моей манере общаться. — Адриэн наконец улыбнулся. — Уж простите, но мне достаточно много лет, и я вряд ли когда-нибудь изменюсь к лучшему.

— Да вы всего на десять лет старше меня и уж точно не старый.

— Иногда я чувствую себя древним стариком, — усмехнулся он. — Ворчливым, дёрганым и недоверчивым, чьё

единственное желание — жить в своём углу затворником.

— Ну уж нет, — нахмурилась я и выпрямилась. — Это никуда не годится. Теперь у вас точно не выйдет жить затворником, ведь рядом я. Пока живу здесь, буду надоедать вам болтовнёй, вам придётся постоянно следить, чтобы я не заболела, не упала или у меня не началась какая-нибудь очередная аллергия... — Я потрясла рукой. — Всё это нужно хоть чем-то компенсировать. И возвращаясь к тому, с чего я начала... — В горле запершило от волнения, я кашлянула и выпалила, пока не изменило мужество: — Может, вы хотя бы спать со мной будете?

Фух, я это сказала. Ну а что? Я же права: нужно не только брать, но и отдавать. А отдать мне ему нечего, кроме своего тела. Адриэн явственно дёрнулся и резко отвернулся.

— Всё-таки, хоть вы и пообещали не ходить в бордель, я не могу и дальше заставлять вас держать слово и жить без женщины. — Я скомкала в кулаке ткань платья. — А если вы станете ходить в бордель, я буду ревновать и устраивать сцены. Конечно, я не могу знать наверняка, но, по-моему, всё же вам нравлюсь.

Голос на последних словах как-то зазвенел. Хоть бы Адриэн как-то помог, а то сидит и молчит, пока я ему тут себя предлагаю. Он наконец отмер. Издал тяжёлый вздох и повернулся ко мне. Посмотрел как-то потерянно.

— Я уже сказал, что вы мне нравитесь. И не стану скрывать, что... в самом деле хочу вас. И с радостью был бы вам

мужем по-настоящему.

Он наконец посмотрел мне прямо в глаза. Серые радужки как-то потемнели, в них сейчас плещется знакомая тьма. Давненько её видно не было. Я поёжилась.

— Что же мешает?

— На вас странно действует магия, и я понятия не имею, будет ли заклятие бесплодия работать в вашем случае. Мне не нужны дети, вам в вашем положении — тем более.

Он опять принялся вертеть в пальцах несчастный карандаш.

— То есть, если я забеременею, вы не отпустите меня домой? Или оставите ребёнка себе?

Адриэн снова тяжело вздохнул. Бедняга. В который уже раз за вечер?

— Я-то отпущу, раз уж обещал. Только учтите, что женщинам в положении ни в коем случае нельзя ходить порталами. Не верите — можете спросить у Эксера. Плод погибнет, матери тоже может грозить смерть или серьёзные последствия для здоровья. А уж про межмировой портал и говорить нечего. Поэтому вам сначала придётся ждать, когда ребёнок родится, и только потом уходить порталом.

— Но если риск беременности — единственное, из-за чего вы переживаете, мы можем рискнуть. Вы только не подумайте, будто я навязываюсь... — Я развела руками. — На самом деле я девушка скромная, и кроме бывшего... жениха и теперь вот вас, у меня никого не было.

— Знаю. И оттого ещё больше ценю ваше... предложение.

— Адриэн невозмутимо пожал плечами. — Однако не хочу доставлять вам ещё больше проблем. К тому же, я читал ваши мысли и помню, что риск забеременеть вас очень пугает.

Я поёжилась. Раньше до одури пугал. Когда беременность казалась чем-то неизбежным. А теперь вроде бы не так страшно, особенно учитывая отношение Адриэна. И что ему ответить?

— Пугает. Но, может, Рониэль сможет подобрать мне какое-нибудь зелье, на которое у меня не будет аллергии?

— Толкаете Эксера на противозаконные действия? — Он приподнял брови и постучал карандашом себе по ладони.

К щекам прилила горячая волна. Ну да, точно, эти зелья тут запрещены.

— Н-нет, я просто... Считайте, что я сморозила глупость.

— Как легко вас выбить из равновесия. — Адриэн ухмыльнулся. — Но дело, конечно, не в этом. Эксерс будет только рад помочь: у него к супружескому долгу крайне трепетное отношение. Однако это всё равно риск: зелье тоже не даёт гарантий.

Да что ж такое! С какой стороны ни подкатывай, муж найдёт, как отговориться. И ведь сказал, что хочет меня. Сердце больно кольнуло от обиды. Ну и ладно.

— Ну, раз вы так переживаете, наверное, и правда лучше не рисковать. — Я выпрямилась в кресле. Жаль, что нельзя просто встать и уйти с гордо поднятой головой. И вот вроде

Адриэн обо мне же и переживает, но почему так мерзко на душе?

Адриэн поставил карандаш на колено грифелем вверх и задумчиво на него уставился.

— К тому же мне не даёт покоя мысль, что вы считаете себя чем-то обязанной.

— То есть, если бы я просто сказала, что вы мне нравитесь, и я совсем не против близости, вы восприняли бы всё иначе? — Я невесело усмехнулась, а Адриэн снова посмотрел как-то обречённо.

— Нет, я всё равно переживал бы за ваше здоровье. — Он отвёл взгляд и продолжил, сжав карандаш: — Чем сильнее магический потенциал мужчины, тем тяжелее женщине вынашивать его детей. С беременностью тоже могут возникнуть сложности. У нас с Линой довольно долго ничего не получалось: она почти сразу теряла детей.

Он тяжело вздохнул. Ну вот опять я заставила мужика вспоминать о больном! Надо срочно как-то перевести тему. Однако на ум, как назло, ничего не приходит.

— В вашем случае что-то предсказать трудно. — Он положил карандаш на папку с пьесой. — Возможно, ваш иномирный организм вообще не способен от меня зачать. А возможно, это наоборот получится легко. Или беременность вас вовсе убьёт. Никто не сможет сказать точно, даже целители. И я не хочу рисковать просто так. Потому что, как уже сказал, дети мне не нужны.

Я опустила голову. Мне сейчас тоже рано думать о детях, но почему-то нежелание Адриэна их иметь настораживает. Хотя, конечно, после того, что он рассказал о гибели жены, это не так уж и странно. Я вздохнула.

— Понимаю. Но всё-таки моё предложение остаётся в силе. В конце концов, если мы оба не против, глупо было отталкивать друг друга из-за призрачных рисков.

— Буду иметь это в виду. — Адриэн как-то рассеянно кивнул и слегка подвинул папку с пьесой. Ага, а вот и новая тема для разговора.

— Кстати, я хотела спросить вашего совета: стоит ли мне и дальше ходить в театральный кружок или это рискованно? — Я кивнула на стол. — Я и так очень неудачно решила сыграть на пианино в подсобке, а знакомая Азерисов удивилась. Оказывается, Элианна терпеть не могла занятия музыкой.

Адриэн задумчиво потёр подбородок. На лице проступило явное облегчение, когда я сменила тему.

— Пока легенда о потере памяти работает, поэтому вы вольны решать сами, ходить в кружок или нет. Вам вряд ли сразу дадут какую-то серьёзную роль, а выучить пару реплик я помогу. Так что всё дело в вашем желании.

— Я пока сама не знаю, хочу ли продолжать. Уж слишком там много женщин, и я боюсь разоблачения. Конечно, не все так проницательны, как вы, но задаться ненужными вопросами вполне могут.

— Обдумайте всё на свежую голову. — Адриэн снова по-

правил папку. — Если вам понравился кружок, почему бы не ходить. А если передумаете — есть множество других вариантов. Я в любом случае поддерживаю ваши начинания.

— Спасибо. — Я улыбнулась и вытянула ноги.

— Всегда рад помочь. — Муж отвернулся к столу.

На плечи вдруг будто тяжесть упала. День был насыщенным, а вечер и подавно, и я, кажется, успела здорово устать. Я проследила за тем, как Адриэн выравнивает край папки так, чтобы он совпадал с краем стола. Закончив, он поморщился и взял со стола какую-то тетрадь.

— Я хотел бы ещё немного поработать, если вы не возражаете. — Адриэн кивнул на тетрадь.

— Выгоняете меня? — Я лукаво взглянула на мужа. — Боитесь, что начну вас соблазнять?

— Конечно. Я скромный и порядочный мужчина, а вы делаете такие откровенные предложения и смущаете меня.

Он посмотрел на меня серьёзно, а я невольно прыснула.

— Порядочный — да, а вот насчёт скромности я бы поспорила. Разве скромные мужчины посещают бордели?

— Конечно, что же им, всю жизнь своими силами справляться? Просто просят для себя шлюх поскромнее.

Я рассмеялась, спрятав лицо в ладонях. Я, конечно, сама виновата, что подняла щекотливую тему, но вот интересно: Адриэн так откровенно шутит, потому что я иномирянка, и у нас всё проще, или он так и с первой женой шутил? Я отняла руки от лица. Удивительно, но Адриэн тоже смеётся, причём

вполне искренне и не натянуто.

— Заметьте, что не я начал тему, — он вмиг посерьёзnel. — Но вы так заразительно хихикаете, что стоило её поддерживать.

— Вы невозможный человек. — Я притворно нахмурилась. — Но, пожалуй, вы правы: не буду пугать напором.

Я медленно поднялась, опираясь на подлокотники, и нарочно наклонилась так, чтобы в вырезе платья Адриэну была видна грудь. Пусть хоть посмотрит, бедолага. Это ему месть за шуточки и за то, что не хочет со мной спать. Муж и правда заглянул в вырез, причём даже не скрываясь. И быстренько отвернулся к столу. То же мне, айсберг в океане.

— Подождите. — Он запустил руку в карман рубашки и извлёк оттуда брачные браслеты.

— Ах, да, — Я выпрямилась и протянула ему руку.

Мазь неплохо помогает, запястье уже не выглядит так жутко. Однако красный след всё ещё есть, хоть и не причиняет неприятных ощущений.

Адриэн осторожно провёл большим пальцем по пострадавшей коже. По телу пробежал приятный озноб. И вовсе не из-за следа от браслета. Я попыталась взять себя в руки. Совсем поплыла. Что дальше? Сама на мужа наброшусь? Я невольно нахмурилась и попыталась мыслить трезво. Однако Адриэн не спешил отпускать мою руку. Снова провёл пальцем по запястью, только теперь уже чуть выше того места, где носят браслет. Кажется, он слегка задумался. По коже снова

будто прошёл электрический разряд. Блин, ну не вырывать же у него руку.

— Что-то не так? — спросила я. Адриэн будто вздрогнул и быстро защёлкнул браслет.

— Всё в порядке, просто... смотрел, как ваша рука.

Ну да, ну да, дело только в этом. Я с трудом удержалась от ухмылки и нарочно поправила лиф платья.

— Гораздо лучше. Уже почти не чешется, даже когда нощу браслет.

Он отвернулся и уставился на тетрадь.

— Это радует, но всё равно завтра перед обедом заеду к Локарну за образцами.

— Спасибо. Не смею вас больше отвлекать. Спокойной ночи, Адриэн.

Он посмотрел на меня снизу вверх этим своим потемневшим взглядом и пробормотал:

— Спокойной ночи, Поленька.

Я осторожно провела рукой по его щеке, быстро развернулась и направилась к двери. Открыла её, но задержалась на пороге: совсем забыла задать один важный вопрос. А может, не такой и важный, но мне нужно знать ответ. Я обернулась. Муж невидяще смотрит куда-то перед собой.

— Адриэн, — окликнула я.

— Да? — Он обернулся и окинул меня рассеянным взглядом.

— А если у вас всё-таки не получится вернуть меня до-

мой?

— Что ж, значит, вам придётся всю оставшуюся жизнь терпеть мой скверный нрав, — ухмыльнулся Адриэн.

Глава 3

Глава 3

Адриэн

Как только дверь за Полиной закрылась, я с облегчением выдохнул. В общем-то, удачно всё вышло. Наконец-то удалось подловить девчонку, а то мне уже порядком надоело делать вид, будто считаю её Элианной. Я, конечно, не думал, что она так легко подставится, но вышло вполне удачно. А ведь я пришёл лишь за тем, чтобы попросить сделать отвар покрепче. И заслушался. Выражение лица у бедняги было, конечно, забавное. Шпионкой ей точно не стать.

И всё-таки как же приятно общаться с ней настоящей. Она неуловимо изменилась и будто вдруг стала другим человеком. И такой она мне нравится ничуть не меньше. Видно, что ей тоже надоело притворяться. Но вот что странно: она вроде как собиралась быть мне женой по-настоящему, чтобы я её пожалел и не отдал под следствие, когда правда о её личности вскрыется. Тогда каких демонов она опять заговорила о супружеском долге? Кажется, мои отговорки её обидели, но тут уж я ничего поделать не могу.

Хотя она снова ходит по краю и проверяет мою решимость. И чем дальше, тем меньше я уверен в своей выдержке.

ке. Пока она так настойчиво предлагала близость, я с трудом сдерживался, чтобы не привлечь её к себе, прижаться губами к шее, снять с неё платье и продолжить прямо здесь, на диване... Я с трудом вынырнул из подростковых фантазий и попытался распределить по телу излишки силы. Неприятные волны, бьющие в пальцы, виски и сжимающие обручем голову отрезвили, хоть и не до конца. Пора выгонять девчонку из мыслей и браться за дела.

Я открыл дневник Юнисы Мариенс. Днём успел прочитать лишь несколько записей, и в них ничего компрометирующего её папашу не нашлось. Юниса описывала свои дни: довольно однообразные, как и у всех девушек, живущих вдали от городов. Она усердно помогала управляющему и экономке в делах имения, чтобы угодить отцу. Я листал страницы, исписанные аккуратным девичьим почерком недавней выпускницы пансиона. Судя по нему, можно сделать вывод, что девочка была прилежной ученицей, послушной дочерью и любящей сестрой.

«К приезду Готри сама напекла гору его любимого печенья с корицей. Надеюсь, получилось вкусно».

«Братишка приболел, но упорно храбрится, изображает из себя взрослого мужчину. Ношу ему тёплый суп и заставляю заматывать горло шарфом. В пансионе совершенно не берегут мальчишек. Хотя в наших дортуарах тоже всегда было холодно».

«Готри позвал кататься на лошадях. Добрались до на-

шей тайной полянки и устроили пикник».

Я внимательно читал каждую запись. В общем-то, вполне обычные заботы и переживания. Странно, конечно, что у такой юной девицы не было подруг. Даже с бывшими пансионерками она, очевидно, не сохранила никакой связи. Общалась только с той самой тёткой по отцовской линии. Скорее всего, связи намеренно ограничивал папаша, но в дневнике Юниса об этом не писала. Никаких поездок в столицу на приёмы или благотворительные вечера. Вообще ничего, хотя папаше бы уже пора подыскивать ей жениха. Гости к ним приезжали нечасто. Я нашёл только одно упоминание.

«12 октября. Должны приехать соседи, Раттены. Вроде бы я знала их, когда была совсем маленькой. Помню их помню очень смутно: они, кажется, приезжали на приём, который устроила мама. А я весь день пряталась за её юбки. Потом они долгое время жили в другом конце Империи, и вот теперь вернулись. Отец счёл нужным соблюсти приличия и позвать их». На следующий день Юниса написала лишь: «Соседи — очень приятные люди. У них две дочери помладше меня и сын мой ровесник. Надо сказать, довольно противный юноша. Отцу он тоже явно не понравился. Теперь нам нужно нанести им ответный визит, и меня это заранее немного пугает». Про то, был ли отдан визит, записи я не нашёл.

В глазах появилась неприятная резь. Кажется, пора отдохнуть, но я упрямо перелистнул очередную страницу. Юниса

делала записи не каждый день. Хотя, вероятнее всего, это не единственные её дневники и, возможно, другие она просто выбросила. До конца первой тетради осталось совсем немного. Лучше бы и вторую дочитать сегодня, но, видимо, всё-таки придётся отложить.

Странное дело, но Юниса ни разу не писала о влюблённости. Конечно, в имении отца влюбляться особо не в кого, но в таких случаях годится и симпатичный молодой слуга. Вряд ли девочка её возраста обошла бы эту тему в дневнике, которому доверяла все нехитрые тайны: о том, как взяла на себя вину служанки, разбившей любимую пепельницу господина, или как спасла привязанного в лесу пса, привела в поместье и прятала в старом сарае, чтобы отец не ругался. Всё в таком духе. Со своей служанкой она явно была дружна. И очень вероятно, что та о чём-то догадывалась, поэтому и пропала.

Я потёр глаза, сосредоточился на тексте и тут же поморщился. Кажется, вот оно.

«23 декабря. Сегодня утром снова чувствовала себя странно. Будто вчера весь день провела на лошади, в мужском седле. И опять снился этот сон, будто отец несёт меня в спальню. Только не мою, а свою. Однако проснулась я у себя. И чего только не приснится! Надо читать меньше романов на ночь».

В душе будто заворочался камень. Тьма начала заволакивать сознание. Допросить бы этого отца, да хорошенько так, не церемонясь. Хотя соприкасаться с его больным сознани-

ем не хочется, но я бы потерпел. Чтобы навсегда упечь его в самое тёмное подземелье Иэльской крепости.

Конечно, без тела и его осмотра судебным целителем ничего не доказать. Запись в дневнике любой адвокат высмеет и назовёт лишь выдумками экзальтированной барышни. И в общем-то будет даже прав: нельзя выдвинуть столь серьёзные и порочащие репутацию обвинения без веских доказательств. А без тела и запрос на чтение сознания получить сложнее. Но кто знает, вдруг зацепки всё-таки найдутся.

Поэтому придётся читать дальше.

Последняя запись в тетради была сделала накануне последнего дня года. *«Вовсю готовлюсь ко дню зарождения года. Готри уже дома. Отец уехал по делам и вернётся только завтра, а потом снова уедет. Я совершенно счастлива!»*

Дальше Юниса описывала день и то, как готовила вместе с кухаркой пирог для брата. Я бездумно смотрел на строчки. Значит ли это, что девушка была счастлива из-за отсутствия отца или на неё так действовало предвкушение праздника и то, что брат приехал на каникулы из пансиона? Я закрыл дневник и откинул голову на спинку кресла.

Поморщился и положил тетрадь на колени. Мерзкое ощущение не отпускает. Юниса пока не написала почти ничего компрометирующего её папашу, но, судя по всему, Готри прав в предположениях. Такие дела даются особенно тяжело: годами жертва живёт в страхе, не имея возможности попросить о помощи или пожаловаться. А даже если пожалу-

ется, вряд ли кто-то поверит. А в этом случае она и сама не до конца понимала, что происходит. Подавив желание запустить злосчастным дневником в стену, я замер, прислушиваясь. За дверью прошелестели тихие шаги. Что ж, Полина делает успехи и ходит почти бесшумно. Похвально.

Она снова прошла мимо двери, только на сей раз остановилась. Не спрашивая разрешения, нажала на ручку и вошла.

На ней длинный пеньюар, но почему-то сразу понятно, что под ним больше ничего нет. По телу прошла жаркая волна, сосредоточившись внизу живота. Каких демонов она пришла? Моих доводов было недостаточно?

— Не спится? — мягко спросила девчонка и подошла ближе. — А я вам давно говорю, что супружеская близость и магический баланс восстанавливает, и сон улучшает, да и вообще...

— Вы у Эксера этого нахватались? — Я нахмурился и поправил лежащую на коленях тетрадь, чтобы Полина не увидела лишнего. Однако она подошла ещё ближе и положила руки мне на плечи, слегка сжимая их.

— Нет, просто в нашем мире к близости относятся проще. Вы только не подумайте, что я испорченная. Просто вы мне нравитесь, и я совсем не против исполнять супружеский долг.

Она ещё сильнее сжала мои плечи, слегка надавливая. До приятной боли, снова пославшей дрожь по телу. Я откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Полина вдруг от-

пустила мои плечи, наклонилась и слегка прикоснулась губами к шее. Я перехватил её за руки и усадил к себе на колени. Девчонка взялась за пуговицы на рубашке: пальцы так и мелькали, пока она их методично расстёгивала. Положила тёплые ладони мне на грудь, и по телу снова разошлось напряжение.

Полина провела ладонями по моим рёбрам и поднялась выше к груди. Подалась вперёд и снова сжала плечи. Её распушенные волосы приятно пощекотали кожу. Я рвано выдохнул, попытался отстраниться и... резко открыл глаза.

Сон. Демоны его раздери! Всего лишь сон. Я уткнулся лицом в ладони. Мне будто снова лет тринадцать... Докатился! Стоило жениться, чтобы вместо супружеского долга видеть откровенные сны. И с кем? С собственной женой! Я невесело усмехнулся. Потрясающе. А ведь можно было бы просто пойти в бордель и спустить напряжение, однако я вынужден держать данное слово.

Я старался дышать ровно и размеренно, и возбуждение постепенно начало сходить на нет. Зато сила снова неприятными волнами начала гулять по телу. Угроздило же уснуть! Если мне теперь каждый день придётся видеть подобные сны, лучше снова перестать ложиться спать. Или попросить у Эксера снотворное посильнее.

В пальцы дал противный импульс, и я снова поморщился. Пожалуй, стоит выйти проветриться. Сбросить излишки силы в землю. Главное, не задеть какие-нибудь кусты или цве-

ты, а то опять придётся сажать обратно. Как меня угораздило вляпаться во всё это? Я резко поднялся, отшвырнув дневник Юнисы на стол. Теперь ни силу не выплеснешь, ни в бордель не сходишь, даже спать уже опасно. Что дальше?

Взгляд зацепился за рамку. Я протянул руку, взял её и резко развернул. Посмотрел в родные лица. Сила снова начала расползаться по телу. Такое чувство, что я их предаю. План летит к демонам, в моём доме живёт другая женщина, которая мне нравится. Я ведь совсем не этого хотел. Пора всё прекращать. Быть с Полиной холодным и отстранённым. Ведь получалось же, пока не узнал, кто она. Я снова посмотрел на снимок и сглотнул тяжёлый ком.

Вернул рамку на место, вышел из кабинета и быстрым шагом направился к двери. В доме тишина. Надеюсь, Полина спит, и с ней всё в порядке. Мне сейчас точно нельзя её видеть, иначе все принципы вполне могут отправиться к демонам. Знаю ведь, что не получится снова возвести между нами стену. Может, и правда спросить совета у Эксера? Хотя он потом замучает расспросами, шуточками и намёками.

«А ведь я говорил! Давно пора, дружище. Не будь дураком, пользуйся моментом. А уж зелье я вам подберу».

Представил себе довольное лицо этого засранца и поморщился. Нет, эту идею надо оставить на самый крайний случай.

Сад встретил прохладой. Я зажёл фонарь над дверью, и его луч слегка рассеял темноту. Я спустился со ступеней и при-

слушался, прошупывая магический фон. Защита работает, возле дома всё спокойно. Я сотворил огонёк, который каждый раз так радуется Полину, и дошёл до скамейки. Присел на неё, сосредоточился и пустил силу из ладони тонкой, слегка светящейся струйкой так, чтобы не задела никаких кустов и растений. Как же медленно получается! Ощущение крайне неприятные, но что поделать. Хоть думать они не мешают. А мысли снова возвращаются к Полине.

Безусловно, роль Элианны для неё во многом безопаснее, однако она всё равно не смогла бы притворяться постоянно. Наверное, и правда лучше, что она теперь знает о чтении сознания. По крайней мере, не будет строить иллюзий на мой счёт. А ещё сможет спрашивать совета, как себя вести и что говорить в обществе, да и мне не надо делать вид, будто ни о чём не догадываюсь.

Сила медленно растворялась, делая воздух вокруг вязким. Я закрыл глаза. Надеюсь, теперь, когда всё раскрылось, и я знаю название мира, откуда пришла Полина, дело пойдёт быстрее. Не может быть, чтобы о нём не нашлось никаких упоминаний. Рэмис человек дотошный, что-нибудь обязательно отыщет. И моя жизнь наконец-то вернётся в привычное русло. На этой мысли поток силы вдруг ускорился, причиняя боль. Я поморщился. Ладно, от себя правду скрывать смысла всё равно нет: я успел по-своему привязаться к девчонке. Однако это не повод удерживать её при себе и рисковать.

Тишину сада нарушил звук открывшейся входной двери. Я остановил поток силы и замер. Защитные чары, конечно, работают, но всё равно следует всегда быть начеку. Прислушался: какие-то лёгкие шорохи. Встал со скамейки и сделал пару шагов, чтобы видеть дом. Да демоны раздери! Свет фонаря обрисовал женскую фигуру в развевающемся пеньюаре. Она явно куда-то торопится. Что опять случилось? Неужели дух вернулся?

Я поморщился и вернулся на скамейку. Вышел сюда, чтобы отогнать мысли о Полине, а она снова идёт ко мне в руки. По телу снова прошёл откат от излишка силы. Я снова пустил её тонким потоком в воздух. Надеюсь, девчонка не споткнётся в темноте, когда свет фонаря перестанет озарять путь.

Как раз в этот момент она подошла к углу дома: когда в теле переизбыток силы, начинаешь неплохо видеть в темноте. Раздался какой-то сдавленный вздох.

— А... Адриэн, это вы? — Полина это скорее прошептала.

— Вы ожидали увидеть кого-то другого? — ухмыльнулся я, закручивая поток силы так, чтобы свет от него попал на лицо. — Что вы вообще здесь делаете и почему не спите?

Надо дать девчонке понять, что не стоит постоянно бегать за мной. Даже если повод кажется ей уважительным.

— Я... просто... — Полина обхватила себя руками за плечи. — Мне приснился кошмар, и я встала, чтобы выпить во-

ды. А когда шла мимо вашего кабинета, увидела, что дверь приоткрыта, и свет включен. Заглянула, вас не увидела и заволновалась. Испугалась, как бы с вами не случилось чего-то...

— Да что со мной может произойти? — Я скептически ухмыльнулся и преобразовал силу в огонёк. Заставил его висеть в воздухе, освещая нас. Он то разгорался, то тускнел.

— Мало ли! — Голос Полины зазвенел. — Я переживала, что, может, вам стало плохо... ну или случился приступ паники.

В свете магического огня она выглядит совсем юной и несчастной. Наверное, и в самом деле волновалась, вот и выскочила из дома в чём была. Но нельзя позволять себе слишком проникаться сочувствием.

— Я как-то раз уже говорил, что давно не маленький мальчик и не нуждаюсь в присмотре. — Я скрестил руки на груди. — Если бы со мной в самом деле случилась беда, ваш браслет дал бы это понять.

Хотя кто знает, учитывая как девчонка воспринимает магию. Но проверить это можно только опытным путём. Я подавил вздох. Ей знать не обязательно, иначе ещё больше распереживается.

— Но тогда... почему вы здесь? — Полина сделала пару осторожных шагов к скамейке.

Интересно, ей понравился бы честный ответ? «Потому что мне снился сон о том, как собираюсь заняться с тобой

любовью». Я поморщился. Ладно, частично ведь я здесь и из-за дневника дочери Мариенса.

— Изучал материалы по одному непростому делу. Вышел избавиться от излишка силы. Такое бывает при... волнении. И вот сижу здесь, стараюсь не повредить очередные кусты, чтобы вы не плакали.

Полина приподняла брови и сделала ещё шаг. Явственно вздрогнула и остановилась.

— Как ощущения? — светским тоном поинтересовался я.

— Странные. Будто дышать труднее, а ещё по телу бегают какие-то противные мурашки.

— А ведь про это я вам тоже говорил. — Я нахмурился и сжал пальцы, заставляя огонёк разгореться ярче. — Не стоит подходить к магу, когда он в нестабильном состоянии.

— Простите. — Полина тут же отступила на пару шагов. — Я как-то не подумала...

Я снова направил силу в огонёк. Излишки почти ушли, скоро можно будет вернуться в дом без опасения что-нибудь повредить. Желательно запереться в спальне и принять снотворное. Девчонка тем временем снова обхватила себя за плечи, но не ушла. Я вздохнул. Ну вот что с ней делать? Не прогонять же, в самом деле. Вечно она разбивает вдребезги все мои лучшие намерения.

— Идите сюда, — позвал я и слегка подвинулся на скамейке. — Не бойтесь, вас уже ничего не заденет.

Она робко подошла и присела рядом. Как-то уж слишком

близко, касаясь бедром моего. Я с трудом сдержался, чтобы не отодвинуться на другой край скамейки.

— Так что за кошмар вам приснился?

Полина поправила рукава пеньюара, будто собираясь с духом. Немного поёрзала на скамейке, устраиваясь поудобнее. Такое чувство, что смущается.

— Да какой-то бред, не берите в голову.

— И из-за бреда вы так перепугались, что бросились бегать по саду?

Девчонка опустила голову.

— Нет, но... сон был очень яркий, поэтому так меня впечатлил. Мне снилось, что вы ничего не смогли сделать, меня всё-таки судили и отправили на каторгу. — Она поёжилась. — А там хотели забрать себе сразу двое надсмотрщиков. Я пыталась сопротивляться, кричала и плакала, но они... тащили меня куда-то. А вы стояли неподалёку и просто наблюдали. С равнодушным видом.

Полина сжала руки, глядя на огонёк.

— Я у вас даже во сне какое-то чудовище, — ухмыльнулся я.

— Я ведь и говорю: сон совершенно дурацкий. — Она нахмурилась. — Я уж точно так о вас не думаю. Но мне было очень... страшно и больно. Такая, знаете, полная безнадёжность и безысходность. Проснулась, а у меня в глазах слёзы. И когда поняла, что это всего лишь сон, готова была снова зарыдать, только уже от облегчения.

Я всё-таки слегка отодвинулся.

— Что ж, вполне в вашем духе. Заплакать вы можете в любой момент.

Девчонка повернулась ко мне и возмущённо сверкнула глазищами.

— Мне было страшно, и ничего удивительного, что я заплакала. Я будто до сих пор ощущаю чужие руки, которые грубо хватают меня и тащат. — Она нервно заправила волосы за уши. — Один из тех мужланов сказал что-то вроде: «Ну всё, развлечений надолго хватит». А его напарник оглядел меня таким... липким взглядом и протянул: «Выглядит она так, будто уже после первой ночи заgnётся». И они заготовали.

Да уж, не стоило мне рассказывать девчонке обо всяких ужасах. Ничего удивительного, что с её богатым воображением ей приснился кошмар.

— Это всего лишь сон. — Я осторожно прикоснулся к плечу Полины.

— Но он, как я и сказала, был очень... правдоподобный. Даже слишком.

— Конечно, правдоподобный. Где ваш муж — настоящее чудовище.

— А, так вас это обидело, поэтому вы язвите? — Она приподняла брови.

— Меня сложно чем-то обидеть. Но мне по-прежнему нравится вас подначивать. Вы так мило возмущаетесь.

Я накрыл её руки своими: да они ледяные! Не то от страха, не то от пережитого волнения. Я слегка сжал их и растёр, чтобы согреть. Полина вздохнула, а я нахмурился и оглядел её фигуру.

— Вот каких демонов вы разгуливаете ночью в таком виде? Подхватите ещё какую-нибудь простуду.

— Так сейчас лето, ну какая простуда? — Полина беспечно отмахнулась, глядя на огонёк. — По-моему, вы перестраховываетесь.

— Летом как раз простудиться проще простого. — Я старался, чтобы тон был суровым. — Тем более, вас и так преследуют неприятности.

Она фыркнула.

— Не настолько я невезучая.

— Неужели? А у меня несколько иные сведения. — Я слегка откинулся на спинку скамейки. — Давайте подумаем. Вы попали в другой мир, вас выдали замуж под видом другой девушки, муж вам достался не самый милый, любящий вас подначивать и во сне отдающий на растерзание нехорошим людям.

— Нет же, — встряла девчонка, но я покачал головой и продолжил:

— Вы падали, принимали не очень полезные зелья и, можно сказать, поселились у Эксера в кабинете, побывали в лечебнице для душевнобольных, не самый милый муж читал ваше сознание, после чего вы едва не лишились памяти. А

потом ещё и мигрень схлопотали. И всё только за последние три недели. И это вы называете «не такая невезучая»?

Полина молчала. Отвернулась и поковыряла носком тапочки плитку. Кажется, я перегнул палку. Однако слова назад не вернёшь.

— Вы правы. Как, впрочем, и всегда. — Голос девчонки показался каким-то чужим. — Получается, я и в самом деле не самый везучий человек. Вернее, раньше мне казалось, что... — Она снова замолчала и отвернулась. — Что у меня всё прекрасно. У меня есть любимая работа, верный жених, понимающие родители и хорошие друзья. Мне есть, где жить, и пусть опасности существуют везде и от них никто не защищён, я не чувствовала никакой угрозы. — Полина закрыла лицо руками, явно давя рыдания. — А что теперь? Я лишилась всего привычного, живу в чужом и враждебном мире, в любой момент меня могут разоблачить, и я ещё вас под удар подставляю. Вот уж точно, неудачница. И простуда точно не самое страшное, что может со мной случиться.

Ну потрясающе. Побыл, называется, холодным и отстранённым. Хотя мог бы и догадаться, чем всё кончится. Я тяжело вздохнул, обнял Полину за плечи и прижал к себе. Пусть только рыдать перестанет, я даже извиниться готов.

— Я не должен был говорить так. — Я осторожно потрепал девчонку по вздрагивающим плечам. — Простите меня.

Она помотала головой, сжав в кулаке ткань моей рубашки. Я вздохнул.

— Хорошо, я понимаю, что обидел вас. Что мне сделать, чтобы вы меня простили? Встать на колени?

Плечи Полины снова затряслись.

— А вы бы встали? — пробормотала она срывающимся голосом.

— Конечно. Я что угодно сделаю, лишь бы вы перестали рыдать.

Девчонка снова скомкала ткань и вздохнула.

— Ну нет, я, конечно, не хочу, чтобы вы впадали в крайности. В конце концов, вы ведь меня не оскорбили, лишь озвучили факты. У меня другие... пожелания. Я хочу, чтобы вы сказали мне что-нибудь хорошее. А сразу после этого мы вернёмся в дом, и вы пойдёте спать. И, главное, ляжете спать.

Я приподнял брови.

— Это всё?

— Ну да, — прошелестела Полина и снова вздрогнула. — Разве я многого прошу?

Ладно, ладно, сам виноват. Я тяжело вздохнул и слегка погладил девчонку по плечам. Выходательница! Уж лучше бы согласилась на мой вариант. Что ей сказать-то?

— Поленька, вы... замечательная. А то, что с вами случилось за последнее время, точно не ваша вина. И я, в общем-то, рад, что знаком с вами.

Девчонка снова вздохнула. Кажется, больше не плачет. Ну хоть так.

— Вы добрая, понимающая, деликатная. Мне обычно

неуютно с другими людьми, но с вами находиться... приятно.

Да когда она уже меня остановит?

— Честно скажу, я не особенно умею говорить тёплые слова. Просто знайте, что даже если я холоден и отстранён, вы всё равно можете на меня положиться.

— Вы точно не мастер красноречия, — выдала девчонка, отстранилась от меня и вдруг рассмеялась. Весело и беззаботно, будто и не плакала только что. Или... Демоны, глаза совершенно сухие.

— Подождите. Вы же всё это время не плакали, а лишь притворялись?

— А похоже вышло, да? — Хитрюга сверкнула глазищами и запрокинула голову в очередном приступе хохота. — Может, мне и правда стоит ходить в театральный кружок, а? Как-то вы слишком легко повелись на мою уловку.

Вместо ожидаемой волны раздражения меня неожиданно разобрал смех. Я с трудом удержал на лице серьёзное выражение. Нахмурился, но, кажется, вышло неестественно.

— Просто привык, что вы любые, даже самые безобидные слова можете истолковать превратно и зарыдать.

— А вы всегда всё знаете и чувствуете, а тут поверили. — И снова этот хитрющий взгляд.

Я поморщился. А ведь правда поверил...

— Наказать бы вас хорошенько за издевательства над мужем.

— За что же меня наказывать? Ведь вы сами решили, что я плачу. — Девчонка бросила на меня лукавый взгляд. — Даже не убедились.

— Зачем убеждаться, если вы даже *во сне* плачете?

— Это вас надо наказать. Как только не стыдно издеваться! — Полина шутливо хлопнула меня по плечу. — Сны мне не подвластны, уж извините. Тут я ничего поделывать не могу.

— Я и не думал издеваться. Лишь озвучил факт. — Я притворно нахмурился. — Хотя как-то уже привык к вашей чувствительности и вроде бы даже начал с ней свыкаться.

— Знаю-знаю, что мужчины ненавидят женские слёзы. — Полина погрозила мне пальцем. — При бывшем я почти никогда не плакала, но он объяснял, что в такие минуты мужчина чувствует себя беспомощным, не зная, как себя вести и как успокоить женщину.

При упоминании её бывшего в пальцы больно ударил импульс. Я невольно сжал руки, пытаясь успокоиться. Вот надо было ей приплести этого ублюдка, пусть даже он, в общем-то, и прав.

— Я не хочу, чтобы вы плакали, лишь потому что мне больно видеть ваши страдания. А ещё у вас красивая улыбка, и я бы предпочёл чаще видеть её, чем слёзы. Вот и всё.

— А вы умеете быть красноречивым, когда надо. — Полина улыбнулась и, кажется, даже слегка зарделась. — Будем считать, что первое условие вы выполнили. Теперь второе.

— Так ведь вы не плакали, — напомнил я.

— Вы спрашивали, что сделать, чтобы я не плакала. — Девчонка погрозила мне пальцем. — И, заметьте, я и правда не плачу. Но если вы боитесь идти спать, я могу пообещать, что не стану под покровом ночи приходить к вам и пытаться соблазнить.

— Обещаете? — Я посмотрел на неё с притворной серьёзностью. Полина усердно закивала.

— Я же знаю, что вы меня боитесь. Вдруг я вас подлю соблазну, а потом сбегу обратно в свой мир.

План созрел мгновенно.

— Вот, значит, как? — Я широко улыбнулся, быстро поднялся со скамейки, наклонился и перехватил Полину за талию, взвалив себе на плечо. Та от неожиданности вскрикнула и вцепилась в мою рубашку на спине, грозя вытащить её из брюк.

— Э-эй, так нечестно, — захлёбываясь от хохота, простонала она. — Поставьте меня за землю! Я сама дойду. Адриэн, ну правда!

Я молча направился к дому. Хорошо, что идти немного, а то я не успел применить заклинание уменьшения тяжести. Хотя сейчас девчонка и не кажется такой уж тяжёлой.

— Вы совершенно несносный мужчина, — продолжила она, не переставая хохотать. — У меня сейчас подол задерётся, и вы можете ненароком увидеть что-то лишнее. Смутитесь, ужаснётесь...

Я демонстративно подвинул руку так, чтобы в самом деле

сдвинуть подол наверх. Полина тут же замолчала и притихла.

— А вы подаёте мне неплохие идеи, — хмыкнул я, широким шагом направляясь к ступеням. — Я бы с удовольствием утащил вас в спальню и лично снял эти тряпки. И, заметьте, даже не испугался бы. Но уже высказал своё мнение по этому поводу. — Я осторожно поставил Полину на ноги, на всякий случай придержав за талию. — Поэтому не дразните меня.

— Что ж, как вам будет угодно, Адриэн. — Раскрасневшаяся девчонка оправляла свои лёгкие одежды, стараясь на меня не смотреть. — И... спасибо, что доставили прямо к дому. Пожалуй, — она наконец подняла на меня взгляд, — мне надо почаще плакать.

И, расхохотавшись, взбежала по ступеням, рванула на себя дверь и прежде, чем скрыться в доме, напомнила:

— И не забудьте: вы обещали, что ляжете спать.

— Я подумаю.

Она показала мне язык и скрылась в доме. Я смотрел на закрывшуюся дверь и не спешил подниматься следом. Сначала надо спрятать эту идиотскую улыбку. Кажется, я и так слишком сильно подпортил свой образ за последнее время.

Глава 4

Глава 4

Адриэн

«Нет, нет, нет, не хочу в это верить! Это был сон, просто очередной странный сон. В конце концов, снилось же мне подобное и до этого... И пусть всё происходило будто наяву, но мне часто снятся яркие сны. Отец не мог делать со мной того, что мне приснилось. Раньше в снах он так не делал. Я даже писать об этом не хочу. Наверное, я больна, раз мне снится такое. Совершенно немыслимое! И пусть Кайриса сказала, что такое бывает, не хочу в это верить. Не хочу! Разве может отец делать такое с дочерью? Кайриса просто наслушалась мерзких сплетен».

Я оторвал взгляд от тетради и в который раз посмотрел на часы. Где там носит стажёра Эксера? Рониэль обещал отправить с ним мазь для Полины, но мы с ним связывались часа полтора назад. За это время можно было дойти пешком туда и обратно. Мне, конечно, есть чем заняться, но мальчишке не помешало бы быть порасторопнее.

До дневника Юнисы я наконец добрался только ближе к обеду. Эта запись — последняя. Даты нет: видимо, юная госпожа Мариенс спешила скорее поделиться переживаниями.

Страницы явно щедро политы слезами, даже чернила кое-где расплываются.

«Ах, а если Готри узнает о моих снах? Ещё решит, что я совсем испорченная. Хотя он ведь недолюбливает отца. Но всё равно. Может, мне стоит посетить тёмного целителя? Да и обычного, наверное, тоже нужно: я странно себя чувствую. Будто сны как-то проявляются в жизни. Меня даже тошнило сегодня. Кайриса, дурочка, такое сказала... Наверное, и ей нужно к тёмному целителю, раз она такое предполагает».

Я закрыл дневник Юнисы. Как же хочется запустить им в стену. Конечно, девчонка понимала, что это не сон. Не могла не понимать, пусть даже и была под заклятием или зельями. Но ведь видела же, чувствовала. Может, даже попыталась что-то сказать папаше. А может, он узнал о её положении и решил её судьбу, не желая пятнать имя семьи. Или вызывать подозрения. Служанка, с которой Юниса явно поделилась страхами и сомнениями, тоже не должна была оставаться в живых.

Отшвырнув тетрадь так, что она проехала по гладкой столешнице, я сжал руками виски. Произошедшее примерно понятно, вот только как прижать Мариенса? Конечно, дневник может служить косвенной уликой, но он же отговорится. Свидетелей нет, подозрениям Готри не поверят. Слуги? Их уже допрашивали, все как один твердят, что ничего не знают. Может, Мариенс просто отлично скрывался, а может,

слуги тоже подвергались закланиям. Да и слова слуг — не слишком надёжное свидетельство.

Конечно, можно попытаться получить разрешение на чтение сознания хотя бы слуг из дома. Но без веских доказательств Мариенс вполне может не дать согласия. Попытаться выбить разрешение читать его самого — вообще бесполезная затея. Хотя я, конечно, напишу запрос.

В кармане зазвенел личный переговорник. Эксерс тоже заволновался? Ну да, на часах уже половина первого.

— Слушаю, — ответил я, прямо через рубашку прижав руку к кристаллу.

— Оболтус до тебя добрался? — Голос Рониэля прозвучал устало.

— Пока нет, но я передал дежурному, чтобы пропустил его, когда придёт.

— Ох, что-то я уже сомневаюсь, что он вообще придёт, — проворчал Эксерс. — Полчаса тут дурачком прикидывался, мол, он знать не знает, где в Леренсе Дом правосудия.

— Почему же прикидывался? Вполне допускаю, что он...

— ...и в самом деле просто дурачок, — загоготал Эксерс. Я тоже невольно хмыкнул, осторожно достал из кармана переговорник и положил перед собой.

— Не могу судить о его умственных способностях, но вполне допускаю, что он может не знать, где находится Дом правосудия. Вряд ли он хоть раз бывал у нас... в гостях.

— Ох, ему бы не помешало. Может, пропало бы желание

издеваться над честными людьми. — Тон Эксера сделался обиженным. — Не поверишь, я уже хотел его заклятием подчинения приложить. Сдерживаюсь из всех сил. Как удачно совпало, что тебе нужна мазь! Я хоть отдохну от него часик-другой. А может, и больше, если он так долго будет добираться туда и обратно. Вот же бестолковый!

— Ты вроде что-то про неделю говорил, — напомнил я, откинув голову на спинку кресла. — Не так уж это и много.

— Боюсь, что и недели не выдержу. Кстати, я надеюсь, что этот идиот не потеряет по дороге мазь. Я там приложил указания, но на всякий случай скажу сам: втирать три раза в день, только наносить тонким слоем. Для начала попробуйте смазать кожу, скажем, на тыльной стороне ладони. Ну мало ли.

— Запомнил. — Я кивнул, хоть Эксерс меня и не видит.

— Ну и браслет желательно не носить хотя бы часть дня.

— Это и так ясно.

Эксерс фыркнул.

— Ну мало ли что тебе в голову взбредёт. Решешь ещё, что твоей Полине никак нельзя ходить без браслета и снова будешь мучить бедную девочку.

— Эксерс, ты договоришься, — проворчал я.

— Ой, уже страшно, — расхохотался он. — По переговорнику заклятие пока накладывать никто не научился.

— Мы увидимся в воскресенье, — ласково напомнил я.

— Как же я мог забыть! — Эксерс очень громко стукнул

себя по лбу, чтобы я услышал. — Мне конец...

Послышались какие-то шорохи, и он бросил в сторону:

— Да-да, одну секунду. Пришёл новый больной, — за-чем-то пояснил мне.

— Желаю, чтобы всё прошло гладко.

— Спасибо, дружище. Если мазь не поможет, жду вас на приём. Кланяйся супруге от моего имени.

— Благодарю. До скорого.

Разговор прервался. Я наблюдал за тем, как медленно гаснет свечение в переговорнике. Вечером, пока Полина будет в театральном кружке, надо заехать в лавку мастера Риза и купить ей свой переговорник. Пусть для начала хотя бы со мной связываться научится. Мало ли что. Я убрал кристалл в карман и задумался.

Может, попробовать получить разрешение хотя бы на допрос слуг Мариенса с применением ментальной магии? Ведь не может быть, чтобы они никогда и ничего не слышали, а стереть каждому память — слишком сложная и затратная в плане силы задача. Вряд ли Мариенс мог бы за всеми уследить или держать под заклятиями всех слуг в доме.

В дверь громко постучали. Неужели ученик Эксера? Помяни демона... Я нажал на оповещающий кристалл и строго сказал:

— Входите.

Дверь с тихим щелчком открылась, по приёмной прокатился звук шагов и в проёме возник Трэнес. Лицо красное,

потное, ко лбу прилипла прядь волос. Парень склонился до пола, выпрямился и пробормотал:

— Доброго... дня, господин Норден.

— Доброго. Рад, что вы выучили мою фамилию. — Я нахмурился и подвинул к себе лист бумаги. Просто так, чтобы чем-то занять руки.

— Да господин Эксерс меня раз десять её повторять заставил: как тут не выучить! — воскликнул он. Ещё бы руки заламывать начал, лицедей несчастный.

— Вы поэтому так долго добивались?

— Никак не мог отыскать этот ваш Дом правосудия! Господин Эксерс сказал, что найти его просто, вроде когда объяснял, и правда звучало просто. А как тут оказался, наверное, целый час бродил, пришлось даже у прохожих спрашивать.

Я скривился, даже не пытаюсь изображать вежливость перед этим сопляком.

— Полагаю, дорогу в увеселительные заведения вы находите с гораздо меньшим трудом.

Трэнес расплылся в радостной улыбке, кажется, даже не заметив моего мрачного вида и сарказма.

— О, да разве их так уж трудно найти? — Он тут же посерьёзnel. — Где крики да смех, там и кабак. А тут у вас всё сурово! Этот дежурный на входе так на меня зыркнул, что я ему сразу готов был во всех грехах сознаться. Как воровал конфеты из кладовой в детстве или как спёр из погреба

банку варенья и съел один, даже с братьями не поделился. А потом так меня выворачивало, что, думал, сдохну! И ни маменьке, ни целителю тогда признался, что спёр варенье. А вот вашему этому дежурному чуть не рассказал, особенно пока он меня этим кристаллом проверял. Да меня целители никогда так тщательно не осматривали, как он! Ещё бы чуть-чуть и...

— Советую вам не забывать, господин Трэнес, — холодно перебил я, — из какой семьи вы происходите, и выражаться подобающим аристократу образом. Не позорьте ни достопо-чтенных родителей, ни учителей пансиона, тративших время на ваше воспитание и образование.

Трэнес с деланным ужасом стукнул себя ладонью по губам.

— Ой, прошу простить, господин Норден. Но я так подумал: дам-то тут нет, а вы уж вытерпите как-нибудь мою речь. А у вас вон как всё строго! Того и гляди всыпят по полной, как в детстве. Папенька всегда на расправу скор был: чуть что, сразу за розги.

— Именно поэтому стоит вести себя прилично. Вы, надеюсь, не потеряли по дороге то, что просил передать господин Эксерс?

— Ой, точно! — Трэнес хлопнул себя по нагрудному карману сюртука, который ему явно велик: висит как на вешалке. — Вот она. Всю дорогу к сердцу прижимал, чтобы не дай боги не потерять.

Он вынул бумажный пакетик и осторожно положил на стол.

— Благодарю. А теперь постарайтесь вернуться к господину Эксерсу как можно быстрее, минуя увеселительные заведения и прочие отвлекающие от полезных дел места.

— Так днём я по кабакам и не шляюсь... то есть не хожу. И к господину Эксерсу уже, можно сказать, бегу. — Юный нахал ослабился и поклонился, снова подметая волосами пол. — До свидания, господин Норден. Кланяйтесь вашей очаровательной супруге от моего имени.

— Непременно, — холодно кивнул я. Под рёбрами что-то неприятно кольнуло. Нет, не то чтобы я вижу в этом невоспитанном сопляке соперника, но одно то, что он помнит Полину, раздражает до темноты в глазах.

Трэнес попятился, уже в приёмной развернулся, и тут снова раздался щелчок замка. И спрашивать не нужно, кто это такой бесцеремонный.

— Ой, доброго дня, господин генерал! — воскликнул Трэнес. — Вы, наверное, начальник этого прекрасного места?

Я прикрыл глаза. Бедняга Рониэль. Я бы уже точно не выдержал и приложил оболтуса заклятием подчинения.

— Доброго дня. — В голосе Рэмиса послышалось явное удивление.

— Хочу сказать, что был очень рад здесь побывать. Но я законопослушный гражданин нашей великой Империи, а не какой-нибудь преступник! До свидания, господин генерал.

Замок снова щёлкнул, выпуская Трэнеса, а в проёме возник незванный гость.

— Договорились же встретиться внизу. — Я подтянул к себе дневник Юнисы и прикрыл.

— Я тоже рад тебя видеть. — Яник широко улыбнулся и посмотрел себе через плечо. — А что это за юный подхалим?

— А я думал, ты в восторге от его комплимента, — ухмыльнулся я. — Всё-таки не каждый день тебя так повышают в звании, да ещё делают начальником следственного отдела.

Яник беспечно отмахнулся и приосанился. Какой-то он сегодня непривычно весёлый. Или комплимент всё-таки подействовал?

— Смотрю, ты как всегда в прекрасном настроении. — Он отодвинул стул и присел на край. — Только не говори, что этот мальчишка — кандидат на роль твоего секретаря.

— Демонов тебе на язык. — Я нахмурился и скрестил руки на груди. — Это всего лишь стажёр Эксера.

— Ах вот оно что. Ну, Эксерсу он как раз подходит. Наверняка льстит ему напропалую, а тот и рад.

— Ты, главное, при нём это не скажи. Боюсь, как бы он за такое тебя не покалечил.

— Что, всё так плохо?

— Более чем. Я бы на месте Эксера давно этого нахала заклятием приложил. Он мне просто кое-что принёс, — я кивнул на бумажный пакет, — а у меня от его трёпа чуть голова не лопнула.

— Вообще-то, Эксерсу так и надо. Слишком он добрый, пусть немного побесится. А что принёс мальчишка? Зелье против зачатия?

— Даже отвечать на это не буду. — Я тяжело вздохнул и открыл верхний ящик стола, чтобы убрать туда дневник.

— Ладно-ладно, можешь не говорить. В нашем возрасте уже всякое может быть. — Рэмис поправил рукав сюртука. — Мне тут на прошлой неделе Валерен жаловался на боль в заднице. А ведь он ненамного старше нас. Говорит, целитель ему какую-то мазь прописал и велел побольше ходить.

Я сложил руки на столе и хмуро уставился на Рэмиса.

— Смотрю, у тебя в кои-то веки сегодня настроение хорошее? Зубоскалишь не в меру. Может, тебе в воскресенье поговорить о своих проблемах с Эксерсом? Он будет рад помочь.

— Очень смешно. — Рэмис закатил глаза. — Так угадал я, значит, про мазь?

— Про мазь угадал, не зря место на службе занимаешь. — Я едко ухмыльнулся. — Только она совсем не от того, что тебя так взволновало. И вообще-то, тебя всё это не касается. Лучше скажи, каких демонов рогатых сюда пришёл раньше времени?

— Просто решил, что спуститься и вместе можно. — Яник откинулся на спинку стула.

— Мне, полагаю, должно льстить, что ты хочешь проводить со мной как можно больше времени?

Рэмис на это только фыркнул и как ни в чём не бывало продолжил:

— А ещё со мной только что связалась Мэди и попросила передать твоей жене, что театральный кружок сегодня отменяется.

На душе сразу стало спокойнее.

— Что случилось?

— Да их драматург и постановщик, Илирен или как там его, заболел. Он, кстати, частенько болеет. То горло, то соп-ли, то расстройство желудка, то ещё что-нибудь. Творческая натура, понимаешь ли. — Рэмис закатил глаза. — В общем, очухается ли к субботе, пока неясно. Но Мэди сообщит, как только появятся новости.

— Поблагодари её от нашего имени.

— Она наверняка скажет, что это естественно и не стоит благодарности, — отмахнулся Рэмис и кивнул на мой стол. — Так что, может, пойдём? Уже без десяти час, вряд ли Эрранс нагрянет с проверкой.

Я усмехнулся. Анди уже наверняка спешит домой обе-дать, да и с проверкой ко мне он никогда не заходит. С его тростью только и бегать по сослуживцам.

— Ладно, уговорил, пойдём. — Я закрыл ящик на ключ, сунул его в карман сюртука и поднялся.

Яник шустро подскочил и первым вышел в приёмную. Я последовал за ним, запер кабинет и подёргал дверь: дав-няя привычка, хотя на ключ и замок наложены заклятия от

незванных гостей. Рэмис, прислонившись спиной к стене, от нетерпения постукивал носком ботинка в стену.

— Смотрю, ботинки высохли? Или это другие? — поддел я, зажав в пальцах ключ.

— И ты туда же? — возмутился Яник, отстранившись от стены. — Меня сегодня, по-моему, все спросили, почему я не в сапогах. Оделис так хохотал, что чуть не задохнулся и через перила не перелетел. Дураки великовозрастные.

И он широким шагом направился к лестнице, явно давая понять, что не хочет продолжать разговор. Я хмыкнул и пошёл следом.

В этот час в здании всегда оживлённо: большинство служащих спешит на обед. Мы с Рэмисом раскланивались с теми, кого ещё не видели, но, к счастью, никто не горел желанием отвлекаться на разговоры. Только у подножия лестницы разгорелся оживлённый спор между Ларденом и Ярресом, явно далёкий от служебных дел.

— Да и что с того? — вопрошал Яррес, уперев руки в бока. — Не обязан я его семью теперь содержать! Не я же его укокошил, в конце концов! Нечего было горячительными напитками злоупотреблять: остался бы жив. И с чего я должен о его бабе заботиться? Мне её выводок не нужен, пусть сама устраивается.

— А я слышал, что кое-кто из её выводка не муженьком делан, — загоготал Ларден, и его поддержали ещё несколько голосов.

— Ой, да дери тебя демоны! Она ж страшная, как богиня смерти!

— Когда тебя это останавливало? — выкрикнул кто-то.

— Вы как ученики пансиона, ну правда, — обиженно заметил Яррес.

— Что есть то есть, — ввернул Рэмис. — Только дай повод позубоскалить.

— Эй, Рэмис, где сапоги-то потерял? — тут же поддел его Миртес, вынырнувший откуда-то из толпы.

Яник насупился и отвечать не стал. Очень ловко протиснулся между двумя сыскарями и судебным секретарём. Вслед нам всё ещё неслись смешки. А ведь если бы Рэмис поменьше вёлся на подначки, как мальчишка, его никто и не трогал бы. Но говорить ему об этом бесполезно: я когда-то давно даже пробовал. Мы миновали оживлённую дискуссию и прошли к стойке дежурного.

— Всё в порядке, господин Норден? — с поклоном спросил у меня Сэвис. — Ваш гость не очень возмущался досмотру? Сами понимаете, я...

— У меня нет к вам претензий, Сэвис. — Я протянул ему ключ от кабинета. — Надеюсь, молодой человек обращался с вами уважительно?

— О, он даже показался слегка напуганным моими действиями, — улыбнулся дежурный. — Весь как-то стушевался и побледнел.

— Ничего страшного, — усмехнулся я, уступая место

Рэмису. — Ему даже полезно.

Яник быстро протянул ключ Сэвису и оглянулся: по-прежнему гогочущая компания направлялась в нашу сторону.

— Пойдём быстрее, — прошипел он, пихнув меня в бок, и поспешил к выходу.

Я кивнул дежурному и последовал за ним. Как только мы вышли на улицу, Яник припустил ещё быстрее: мы почти бегом преодолели лестницу, и Яник свернул на задний двор. К счастью, там пока относительно пусто.

— Так что ты хотел сказать? — спросил Рэмис.

— Пойдём в машину, повешу полог тишины.

Яник кивнул, замедляя шаг. Хорошо иметь понятливых друзей. Мы прошли к моей машине. Мимо проехала машина Эрранса: он нас, кажется, не заметил, что-то говоря своему водителю. Я открыл двери и сосредоточился на создании полога тишины. Рэмис в это время забрался внутрь, явно боясь, как бы его не догнала толпа весельчаков. Закончив, я присоединился к нему. Захлопнул дверь и откинулся на спинку кресла.

— Ну давай, говори уже. — Яник повернулся ко мне. — Я сейчас от нетерпения лопну.

— Вижу, — хмыкнул я. — В общем, вчера я почти случайно «разоблачил» Полину.

Глаза Яника округлились, и он подался ближе.

— Серьёзно?! Как?

— Она пошла делать отвар в кухню. Я хотел сказать, чтобы сделала покрепче, зашёл, а она поёт. И её артефакт не переводит пение. А я не стал делать вид, будто ничего не слышал.

— Бедняга, — ухмыльнулся Рэмис. — Так тщательно старалась водила тебя за нос и так глупо подставилась. Мне её даже жалко.

— Это было ожидаемо: она же не шпионка, в конце концов. — Я вытащил из кармана сюртука бумажку, которую мы вчера составили с девчонкой, и протянул Янику. — Вот тут названия её мира на нескольких языках, но, как говорит Полина, языков там гораздо больше.

Яник развернул бумажку.

— Терра, Тьер-ра, Эрде... Зем-лиа. Как интересно.

— Последнее — это на родном языке Полины.

— Такие названия я точно впервые вижу. — Рэмис снова взглянул на бумажку. — Хотя, если честно, о других мирах достоверной информации крайне мало. От профессора Иоллеса слышал только о мире Эр-Айлья, в который он до сих пор мечтает попасть. Но никто точно не знает, существует этот мир на самом деле или это выдумки какого-нибудь шутника или психа.

— Полагаю, если что-то про другие миры и известно, большая часть сведений засекречена. — Я приложил ключ к замку зажигания. — А иномирян вроде той пациентки из «Сайлентиса» просто объявляют сумасшедшими, и дело с

концом.

— Ну, во всяком случае, даже нам о возможном существовании других миров рассказывали лишь как о легендах. — Яник кивнул, положив записку на колени. — Иметь бы доступ к архивам службы безопасности...

— Кто же его даст? — Я тяжело вздохнул. — Пока и речи не может быть о том, чтобы раскрывать личность Полины.

— Ясное дело. — Яник поморщился. — Конечно, я схожу в городскую библиотеку, покопаюсь в нашей секции. Может, там хоть что-то промелькнёт. Если кто-то вдруг спросит, буду говорить, что интересуюсь по служебной надобности.

— Лучше лишний раз вообще ничего не объяснять. А твой профессор ничем помочь не может?

Рэмис скривился и отвернулся к окну.

— Оставлю его напоследок. Не думаю, что он вдруг стал теплее ко мне относиться. С ним же ещё договориться надо. Ему хоть и боги знают сколько лет, а мотается он по свету так, что и не застанешь.

— Я поеду с тобой. Может, при мне он будет поразговорчивее?

— Ох, сомневаюсь, что старый шельмец проникнется. У него на уме только его Эр-Айлья, да и вряд ли он согласится на заклятие конфиденциальности. Он не из тех, кто будет помогать, если ему самому это не нужно.

— Его можно понять. — Я вздохнул и постучал пальцами по рулю. — Кому хочется рисковать собой ради непонятно

кого?

Яник отмахнулся.

— Ой, да этому старому дураку и терять-то нечего. Кто его, такого уважаемого человека, посмеет пальцем тронуть? Он просто вредный, поэтому вряд ли войдёт в положение.

Я невесело усмехнулся. Бывший преподаватель почему-то с самого первого дня учёбы невзлюбил Рэмиса. Возможно, причиной тому ревность: у Яника дар по силе едва ли не превосходит профессора. Далеко не каждый способен признать подобное открыто.

— Но всё равно я не списываю его со счетов. Сначала изучаю то, что доступно, а уж потом попытаюсь с ним связаться.

— Если тебе и правда придётся встретиться с Иоллесом, я точно твой вечный должник. — Я серьёзно посмотрел на Рэмиса.

— Мы уже говорили об этом. Помощь друзьям вполне естественная вещь. Главное, чтобы всё это не было зря, и мы смогли помочь твоей Полине. Кстати, а как она отреагировала на то, что ты про неё знаешь?

— Сначала очень возмутилась, что я читал её сознание. — Я невесело усмехнулся. — А потом допытывалась, почему я не хочу поступить по закону и отдать её под следствие, ведь я же рискую в случае чего.

— А она мне всё больше нравится. — Яник потёр переносицу.

Я повернулся и хмуро посмотрел на него.

— Я всего лишь хочу сказать, что не каждый человек в её положении будет думать о том, как лучше для другого. Тебе точно не жаль будет отправлять её домой?

Если бы Яник знал о плане, не задавал бы глупых вопросов. Пальцы слегка закололо, стоило представить, как однажды Полина шагнёт в портал, и я больше никогда её не увижу. Однако Рэмису незачем об этом знать.

— Нет, — твёрдо ответил я. — Ей будет лучше и безопаснее в своём мире. А я всегда могу найти себе другую жену, чтобы избегать сплетен.

Яник как-то странно посмотрел на меня и покачал головой. Сунул бумажку в карман и похлопал по нему.

— Дома на всякий случай наложу заклятие нечитаемости. Ладно, если у тебя больше нет уточнений, я, наверное, поеду обедать.

— Было бы, что уточнять. Спасибо тебе.

— Благодарить будешь, если всё получится. — Рэмис открыл дверцу и вылез из машины. — Давай, до скорого. Кланяйся от меня супруге и не забудь про отмену кружка.

Он закрыл за собой дверцу, и я начал медленно выезжать на проспект.

Глава 5

Глава 5

Полина

Я отложила ручку, закрыла дневник и подпёрла голову рукой. Уже без четверти час, скоро на обед приедет Адриэн. Надо всё-таки перестраивать распорядок дня и вставать вместе с мужем. Ну или хотя бы после его ухода. При мысли о нём губы будто сами собой растянулись в улыбке. Как он вчера забавно повёлся на мою уловку с мнимыми слезами! Хотя он, конечно, тоже хорош. Припомнил мне, видите ли, все неудачи. Пусть и не со зла, но... Ничего-ничего, я теперь знаю, как вывести его из равновесия.

Хотя, положив руку на сердце, я на него даже не обиделась. Наверное, стала спокойнее относиться к проявлениям его «скверного характера». Ведь дело не в словах, а в поступках. Что толку от всех милых признаний Антона, если он так некрасиво со мной поступил? А Адриэн как раз проявляет себя в поступках.

Попади я замуж за менее порядочного мужика, он не просто воспользовался бы беззащитной и бесправной иномирянкой, а ещё и шантажировал бы меня и уж точно не стал бы заморачиваться проблемами морали. Так что это не Ад-

риэну надо меня на руках носить, а наоборот.

Я усмехнулась. Умеет он выбить у меня почву из-под ног, в этом таланте ему точно не откажешь. Щёки залила краска, стоило вспомнить, как он тащил меня в дом. Как-то быстро я ему всё простила. Вот вроде бы мне надо злиться на мужа за то, что так бесцеремонно «гулял» по моему сознанию. Но с другой стороны... Что уж такого он мог там увидеть? Самое сокровенное — мои мысли после близости с ним же. Ну, ещё с Антоном. Но я ведь и не думала ни о чём ужасном.

Да и если вспомнить и всё сопоставить... После того, как Адриэн понял, кто я, явно стал относиться ко мне иначе. Перестал разговаривать свысока, если и подкалывал, то как-то по-доброму, объяснял какие-то вещи, не задаваясь вопросами. А меня это даже не настораживало! И именно *мне* он рассказал про то, как погибли его родные. И хотя это всё само по себе ужасно, но при мысли, что он доверился мне, в груди расплзается тепло.

Я вздохнула и убрала дневник в верхний ящик. И голову мою после посиделок у Инии Адриэн лечил, и артефакты заказал явно для меня. Может, потому что я иномирянка? Надо бы, конечно, уточнить. И вообще, оберегает и защищает. Даже вон в бордель пообещал не ходить. Тоже мне, а не Элианне! Я широко улыбнулась, подтянула к себе музыкальную шкатулку и открыла её. Сегодня уже раз десятый это делаю. По комнате поплыла незатейливая грустная мелодия. Забавная вещица. Никакого механизма тут не видно: наверняка на

магии работает. Мелодия кончилась, и в комнате снова повисла тишина.

Кажется, я только теперь осознала, какой груз всё это время лежал на плечах. Всегда пытаться играть роль, бояться сказать что-то лишнее, пытаться понравиться Адриэну, чтобы потом проще было признаться. И, как ни странно, мне теперь даже интересно пожить в этом мире, узнать о нём побольше, поиграть в аристократку. Главное, что я тут не навсегда заперта, и есть шанс вернуться. Ну а если не выйдет... Однако об этом пока думать не стану.

Открылась входная дверь. Нэйлия куда-то выходила минут десять назад. Может, ей что-то понадобилось во флигеле или в саду? Заклятие уже спало: когда я час назад столкнулась с ней, выходя в сад, у неё был вполне осмысленный и нормальный взгляд. И смотрит она на меня опять цепко и без особой приязни. Может, попросить Адриэна всегда держать Нэйлию под заклятием? Я хихикнула. В конце концов, госпожа тут я. Она меня недолюбливает, я тоже могу вредничать. Я поморщилась. Нет, нельзя позволять себе слишком уж зазнаваться. Мне просто повезло, но я ничем не заслужила такую честь. Для Адриэна я вообще-то простолюдинка, хоть он и отпирается.

По коридору прошелестели тихие шаги, и служанка постучала в дверь. Ну, вспомнишь Нэйлию, вот и она! Я отодрнула шкатулку, придвинула к себе книгу, которую читает мне Адриэн, и твёрдым голосом ответила:

— Войдите.

Нэйлия приоткрыла дверь, протиснулась внутрь и поклонилась. В руке у неё большой белый конверт.

— Вот, госпожа Элианна, пришло письмо от господ ваших родителей. Только что проезжал почтальон, я забрала.

— Она подошла к столу и протянула мне конверт.

— Благодарю, Нэйлия, положите сюда. — Я холодно посмотрела на служанку, заложив книгу пальцем.

— Как вам угодно, госпожа Элианна. Может, будут какие-то приказания? Я уже начала накрывать на стол.

— Вот и отлично, продолжайте своё занятие.

— Конечно, госпожа Элианна.

Она, пятясь, вышла из комнаты, а я взяла в руки конверт. Интересно, почему он такой пухлый? Может, там свадебные фотографии? Письмо прочитать я не смогу, но конверт-то вскрыть никто не запрещает. Я нашла клапан и осторожно принялась его отклеивать. Извлекла содержимое: два письма и ещё один конверт, хорошо хоть не запечатанный. Письма исписаны ровным, мелким почерком. Я отложила их и открыла второй конверт. Точно, фотки!

Одну я уже видела в «Вестнике» и вроде бы на ней мы очень даже неплохо получились, несмотря на бессонную ночь. Но вдруг в газету попала лучшая фотография, а остальные ужасны? Я не без опаски взглянула на верхнюю фотографию. Всё те же всё там же. Семья, гости и мы с Адриэном в центре. Нет, все снимки отличные. Фотограф и правда та-

лантливый.

«Какая ж вы пара красивая!» — прозвучал в голове восхищённый шепоток Иси.

Я улыбнулась и принялась дальше разглядывать фотографии. Кроме постановочных тут есть и снимки во время торжества. Вот мы сидим за столом. К счастью, в тот момент я не клевала носом и не жевала, а смотрела куда-то вдаль. Адриэн слушал, что ему говорит Бруно. На следующей фотке мы с бокалами слушаем тост. Вот мы танцуем: у меня очень сосредоточенный вид, а муж выглядит невозмутимым и смотрит на меня вполне по-человечески. Не то чтобы влюблённо — да и вряд ли кто-то станет придираться на сей счёт, — но и не холодно. Вот мы принимаем поздравления. И наконец меня ведут к машине Бруно.

Я ещё раз пересмотрела фотографии и убрала их в конверт. Вряд ли какой-то из этих снимков удостоится рамочки в кабинете мужа, ну да я и не претендую. И всё-таки сердце защемило. Может, вообще не показывать Адриэну фотографии? Мало ли, как на него это всё подействует. И если раньше я бы немного ревновала, то сейчас скорее разделяю его боль.

Пожалуй, стоит пойти проверить, как там Нэйлия справляется с сервировкой. Не потому, что я ей не доверяю: она, наверное, и с закрытыми глазами всё сделает. Просто надо немного помаячить у неё перед носом, чтобы не забывала, кто тут хозяйка. А то без заклатья она, по-моему, опять бу-

дет пытаться всячески давать мне понять, что я тут никто.

Я расчесала волосы и принялась переплетать косу. И вот как мне теперь быть с Адриэном? Если раньше план по соблазнению я собиралась воплощать ради вполне конкретной цели, то теперь он вроде как и не нужен. И если опять буду навязываться, муж сочтёт меня испорченной. Может, когда он сказал, что хочет меня, вообще солгал, чтобы не обидеть? Хотя нет, не похоже, что солгал. Смотрит во всяком случае довольно красноречиво. Однако не исключаю, что он предпочёл бы и дальше ходить по борделям: там всё-таки профессионалки работают.

В груди встал ком. Я поморщилась и глубоко вздохнула. Ну ладно, ладно, чего уж саму себя-то обманывать? Я его дико ревную к этим дамам из борделей. Сколько у него и было, в каких позах и вообще... И я уж точно не хочу, чтобы он продолжил свои похождения. По крайней мере, пока я тут живу. Только ради этого стоит ещё попытаться. В зеркале отражалась кровать, и я невольно вспомнила нашу первую ночь. По рукам побежали мурашки, и колени едва не подкосились. Так, стоп. Срочно надо подумать о чём-то... нейтральном.

Я заколола косу, пригладила платье и прижала ладони к щекам. Краснею я тут постоянно, как впервые влюбившаяся девочка-подросток. Надо с этим заканчивать. Я развернулась и твёрдым шагом вышла в коридор. Нэйлия как раз заходила в столовую со стаканами.

— Вы что-то хотели, госпожа Элианна? — деланно заискивающим тоном спросила она.

— Да, проверить, всё ли в порядке. — Я зашла следом за ней и остановилась возле стола.

— О, не волнуйтесь, госпожа Элианна. — Нэйлия поставила стаканы возле тарелок, не глядя на меня. — Я всю жизнь в служанках, так что уж свою работу знаю. Господин Адриэн никогда не жаловался. Но если лично вас что-то не устраивает, вы вольны высказать мне замечания.

Ага, а потом она плюнет мне в суп. И вот зачем я пришла? Могла бы Адриэна и в комнате подождать. Хотя, с другой стороны, постоянно отсиживаться не будешь... Я с притворным вниманием оглядела сервировку и кивнула.

— В данный момент меня всё устраивает.

— Благодарю, госпожа. В таком случае, я пойду за супницей. Господин Адриэн вот-вот будет здесь.

Не удостоив её ответом, я подошла к своему месту. Нэйлия бросила на меня «незаметный» взгляд и вышла, прикрыв двери. Я рассеянно посмотрела на стол: около суповых тарелок по мисочке с гренками, какие-то рулетики — внутри, похоже, овощи. А вот это, кажется, местные оливки на шпажках. Ещё какая-то закуска, из чего — непонятно.

Я слегка откинулась на спинку стула. Интересно, сколько сейчас времени? А может ли женщина тут иметь карманные часы? Надо спросить у Адриэна. Хотя... он ещё чего доброго захочет мне их купить. А зачем тратить его деньги, если

я всё равно здесь временно? Обойдусь. Не так уж часто мне надо смотреть на время. Тихо щёлкнул замок входной двери, но даже от этого звука я невольно дёрнулась.

— Доброго дня, господин Адриэн, — тут же раздался спокойный и суховатый голос Нэйлии.

— Доброго. Смотрю, заклятие тебя отпустило.

— Да, господин Адриэн.

— Надеюсь, ты не дашь повода применять его к тебе снова.

— Нет, господин Адриэн. Я всё осознала и приношу свои извинения.

Я криво усмехнулась. Не очень-то похоже, что она всё осознала.

— Извинения свои оставь при себе, — холодно ответил Адриэн. — Я буду смотреть исключительно на твои поступки.

— Конечно, как скажете, господин Адриэн.

— Элианна у себя? — Голос мужа приближался.

— Нет, госпожа в столовой, господин Адриэн. Уже ждёт вас. А я вот как раз собиралась нести супницу.

— Вот и отлично.

Судя по удаляющимся тихим шагам Адриэн пошёл в ванную. Спустя пару минут двери открылись, и вошла Нэйлия, осторожно неся супницу. На меня она не посмотрела. Похоже, всё-таки побаивается снова злить Адриэна. Он появился почти сразу же после служанки. Вошёл в комнату и бросил

на меня нечитаемый взгляд. У меня почему-то снова заныло под ложечкой. Я на всякий случай вскочила со стула и выпалила:

— Добрый день, Адриэн.

— Добрый день, Элианна. Не нужно церемоний, садитесь обратно. — Он отодвинул свой стул, тоже сел и глянул на Нэйлию. — Пока свободна, дальше я сам справлюсь.

Служанка дёрнулась так, будто он её по меньшей мере оскорбил.

— Господин Адриэн, да как же... да за что же вы... — Голос аж сорвался: такое ощущение, будто вот-вот расплачется.

Адриэн невозмутимо покачал головой.

— Ты слышала приказ? Или, может, показать тебя целителю?

— Я... слышала, господин Адриэн.

— Тогда каких демонов ты ещё здесь? Бегом в кухню. Я вполне способен сам разлить суп. Тебя позову, если понадобится.

— Д-да, конечно, господин Адриэн. — Нэйлия начала пятиться к двери.

— Что-то ты сегодня медлительная, — сухо заметил Адриэн. — Понравилось быть под заклятием? Так я могу повторить.

— Прошу прощения, господин Адриэн, уже ухожу.

— Вот и прекрасно.

Служанка ускорилаь и исчезла за дверью. Адриэн проводил её тяжёлым взглядом. Сделал едва уловимый жест рукой, и воздух будто стал плотнее. Ясно, полог тишины. Я уже начинаю узнавать все эти магические штуки.

— Ну, а теперь можно нормально поговорить. — Адриэн перевёл на меня уже гораздо более тёплый взгляд. — Как ваши дела, Поленька?

— Всё хорошо, благодарю вас. — Я улыбнулась, поудобнее устраиваясь на стуле. — Как обычно, всё на свете проспала, пока вы приносили пользу на службе.

— Полагаю, вы ещё не до конца оправились от всего, что пережили по моей вине. — Адриэн пожал плечами и взял со стола свёрнутую салфетку. — При встрече поговорите об этом с Эксерсом, пусть посоветует что-нибудь. Кстати, он передал вам мазь для руки. После обеда намажьтесь, только он посоветовал сначала нанести совсем немного мази, чтобы проверить, нет ли у вас аллергии.

Я снова улыбнулась. Рука будто нарочно зачесалась, и я слегка потёрла её.

— Передайте ему благодарность.

— Думаю, Эксерс на это ответит вам, что он целитель, и лечить — его обязанность. Но если так уж хотите его отблагодарить, скажете ему об этом лично в воскресенье. Кстати, я передал Янику записку с названиями вашего мира. Он ничего о нём не слышал, но обещал начать искать сведения. И его вы тоже сможете лично поблагодарить в воскресенье.

Адриэн как-то весело и беззаботно подмигнул мне и расстелил салфетку на коленях.

— Непременно. — Я тоже подмигнула мужу. — А у меня тоже новости: Азерисы прислали письмо с нашими свадебными фотографиями.

Муж оставил в покое салфетку, которую разглаживал, и взглянул на меня исподлобья.

— Письмо? Вы лично видели почтальона? — Его тон неумовимо изменился и зазвучал сухо. — И как узнали, что оно для вас?

Ноги мгновенно налились свинцом. Неужели я снова умудрилась облажаться? Но в чём?

— Не... нет, я не видела почтальона. — Голос предательски дрогнул, и я тоже схватила со стола идеально белую салфетку. — Письмо мне передала Нэйлия. Пришла в комнату, сказала, что это от моих... родителей.

Адриэн на меня не смотрел. Так и продолжил молчать, явно о чём-то задумавшись. Воздух в комнате будто отяжелел, но, кажется, уже не из-за полога тишины.

— Что-то не так? — прошептала я и сама себя еле слышала.

— Дело в том, что Нэйлия не должна была отдавать письмо вам. — Он наконец поднял на меня усталый взгляд. — Ей следовало отнести его ко мне в кабинет.

Блин, как же у них тут всё сложно-то!

— Я... не знала, что письмо нельзя брать, и вскрыла его. Там были фотографии, я позволила себе посмотреть... Простите меня, я не хотела вас злить.

Адриэн издал протяжный вздох, выпрямился и сжал пальцами виски. Пробормотал себе под нос очередную неприводимую тираду, а потом перевёл взгляд на меня.

— Давайте раз и навсегда проясним кое-что, Поленька.

От этого обращения почему-то защипало в носу. Я сцепила пальцы и уставилась на них. Получается, он всё-таки не злится на меня? Я опять надумываю всякое?

— У меня нет причин сердиться на вас. Даже если вы совершаете какие-то промахи, вашей вины в этом нет. Элианне Азерис правила этикета прививали с детства, и то я не уверен, что она в точности их соблюдает, — он усмехнулся и снова откинулся на спинку стула. — Вам, чтобы изучить все тонкости, понадобится не один месяц или даже не один год. А возможно, они вам и вовсе не пригодятся.

— Я вовсе не против изучить этикет, — вмешалась я, подняв на него взгляд. — Если вы будете понемногу учить меня...

Адриэн серьёзно кивнул.

— Мне это труда не составит. Однако я вас уже немного изучил и знаю, что вы не позволите себе нарочно вести себя неподобающе. Зато у меня масса вопросов к одной неблагодарной служанке. — Он задумчиво посмотрел на двери. — Я не знаю, что с ней делать. Наверное, всё-таки придётся

окончательно выгнать.

— Но... может, она не нарочно? Может, не знала или забыла... — Я снова сжала руки. Снова я стою между Адриэном и его устоявшимся укладом жизни.

— О, поверьте, Нэйлия прекрасно знает, что может делать женщина-аристократка, а что нет. В некотором роде это её обязанность. — Адриэн слегка передвинул миску с гренками, явно пытаясь чем-то занять руки. — И будь на вашем месте Элианна, мне не помешало бы наблюдение Нэйлии. Признаюсь, поначалу я и в самом деле просил её следить за вами. Но быстро понял, что Нэйлия взялась за дело не с той стороны и, скорее, нарочно пытается выставить вас в плохом свете. А это уже посягательство на мой выбор.

Я поёжилась: значит, Нэйлия следила за мной по приказу Адриэна? Конечно, он тогда не знал, кто я, но всё равно неприятно сознавать, что была под наблюдением. С другой стороны, Адриэн, даже считая меня Элианной, не верил служанке на слово и делал свои выводы. Я разгладила платье на коленях.

— Значит, все письма, которые присылают жене, должен сначала читать муж?

— Да. Если девушка не замужем, это делают отец или старший брат, если отца нет.

— Но ведь это... неправильно. — Я тяжело вздохнула. — Получается, что у девушки или женщины совсем нет ничего личного.

— Многое зависит от устоев в конкретной семье. — Адриэн снова отодвинул миску и пожал плечами. — Насколько могу судить, отец позволял маме читать письма, которые ей приходили, без его проверки. Я никогда не заглядывал в корреспонденцию Лины. Дэрин тоже не вмешивался в переписки Орнелли.

— А Нэйлия знала об этом?

— Мы не посвящали её в такие вещи. Прислугу личные дела господ касаться не должны. Она передавала всю почту мне, а я отдавал Лине то, что приходило на её имя. Слуги слишком болтливы и зачастую бестактны, так что внешне мы соблюдали приличия.

— А я подвела вас. — Я склонила голову, уставившись на свои руки.

— Боги, Полина, да перестаньте уже винить во всём себя. — Адриэн встал, подошёл и присел рядом на корточки, накрыв мои пальцы ладонью. — Ничего страшного не произошло. Я в любом случае буду решать вопрос с Нэйлией: пусть она не думает, что может меня обмануть.

Я слегка улыбнулась, но голову не подняла.

— Может, просто сделать вид, будто ничего не случилось? Она ведь станет ещё сильнее меня недолюбливать: из-за того, что вы меня защищаете.

— С каких пор у прислуги есть право недолюбливать господ? — Адриэн слегка погладил мои руки. — Нэйлия не рабыня, а наёмный работник. Если её что-то не устраивает, я

не держу.

— Но ведь... если у вас получится отправить меня домой, вам будет плохо без привычной служанки.

Я по-прежнему не смотрела на мужа. Как так вышло, что при мысли о возвращении домой у меня что-то щемит в груди?

— Если служанка возомнила о себе невесть что, значит, пора что-то менять. Привыкну к другой или вовсе найму слугу-мужчину. Может, тогда наконец решусь и на кухарку.

— Думаю, Нэйлия вас просто ревнует, — пробормотала я.

— Я ей не муж, чтобы меня ревновать.

— Может, она тайно в вас влюблена? — Я повернулась и прямо взглянула на мужа.

— По-моему, ревнует отнюдь не Нэйлия. — Он усмехнулся: в глазах появились лукавые искорки. — Дайте угадаю: вы уже успели предположить, что я спал со своей служанкой до женитьбы на вас?

Уши и щёки мгновенно начали гореть. Я снова опустила голову.

— Ну... не то чтобы... Я не думала об этом. Просто в субботу Иния, считая, что я сплю, обсуждала это с Мэдейлин. А та ответила, что вы бы никогда не опустились до связи с прислугой.

— Мэдейлин крайне здравомыслящая женщина. — Адриэн отпустил мои руки и поднялся. — Спать с собственной прислугой — глупо и недальновидно. В конце концов, лю-

бая служанка такая же женщина, как и остальные. И стоит ей почувствовать хоть какую-то власть, сядет на шею. Да и в целом Нэйлию я никогда не воспринимал, как женщину.

Он извлёк из кармана рубашки какой-то кристаллик, поводил им над супницей и убрал обратно. Я внимательно проследила за его действиями.

— Но это вы. А она, возможно, в вас тайно влюблена.

— Если так, с ней тем более нужно расстаться как можно скорее. Мне не нужны проблемы, вам и подавно. И, пожалуй, хватит об этом. Суп совсем остынет.

Адриэн взялся за половник, чтобы разлить суп, и забрал у меня тарелку. Однако мне не давал покоя ещё вопрос.

— Я не имела права садиться за стол раньше вас, так ведь?

— По правилам этикета да. — Адриэн очень осторожно наливал густой суп. — Если, конечно, муж заранее не предупреждает, что не будет обедать или ужинать дома. Однако вам я этого делать не запрещаю, тем более, когда мы одни дома.

Он поставил передо мной тарелку.

— Насыпайте гренки и приятного аппетита.

— Благодарю вас. — Я взяла ложку и улыбнулась. — Всё же думаю, что вам стоит рассказать мне, чего ещё я не должна делать даже дома. Оставьте ли вы Нэйлию или наймёте другую прислугу, но чем меньше я вызываю подозрений, тем лучше.

Адриэн как раз закончил наливать суп себе и посмотрел на меня с явным одобрением.

— Вы начинаете мыслить примерно как я. Мне это нравится.

— У нас есть такая поговорка: муж и жена — одна сатана. Один демон, чтобы вам было понятнее.

— Забавно. — Адриэн сел и снова разложил на коленях салфетку. — Ваш артефакт сразу перевёл мне эту фразу как «один демон». Интересно, что за маг его создал? Подобная работа явно заняла у него годы.

— Мне тоже интересно. — Я высыпала в тарелку гренки.

— Надеюсь, когда-нибудь мы это узнаем. А теперь ешьте, иначе суп точно придётся подогревать. Мы заболтались.

— Приятного аппетита. Но, полагаю, вы должны начать первым.

— А вы делаете успехи. — Адриэн снова тепло улыбнулся. — Кажется, не так уж многому мне придётся вас учить.

И он тоже взялся за миску с гренками. В комнате повисла тишина, но на сей раз вполне уютная, нарушаемая только позвякиванием приборов и посуды. Я тоже наконец расслабилась. Надо же, как успела за три недели привыкнуть к тому, чтобы играть роль: всё ещё боюсь сделать что-то не так и навлечь на себя подозрения мужа. И как же приятно думать, что можно спокойно облажаться хотя бы перед ним.

Глава 6

Глава 6

Адриэн

Я откинулся на спинку кресла и посмотрел на дверь. Где там Полина? Пошла за письмом и пропала. И вот я её жду, и уже будто бы нормально приходить со службы домой и видеть там не только служанку, но и жену. Вернее, Полину. Не могу я пока даже мысленно называть её женой. Да, наверное, и не нужно.

Послышались тихие шаги, и Полина бочком протиснулась в кабинет, прижимая к груди письмо. Наконец-то. На плечах, как ни странно, шаль.

— Простите, что задержалась. — Она смущённо улыбнулась, остановившись возле кресла. — Искала среди вещей Элианны что-нибудь, чтобы накинуть поверх платья.

И она кивнула на шаль.

— Вы мёрзнете? Я могу прикрыть окно.

— О, нет-нет, не нужно. Я люблю свежий воздух, и уж лучше накину что-нибудь.

Она медленно опустилась в кресло, осторожно придерживая подол.

— Что ж, как скажете.

Я невольно задержал взгляд на девчонке. Она сидит на самом краешке кресла, сложив руки на коленях, и явно не чувствует себя здесь как дома. Наверное, это неправильно.

— Устраивайтесь поудобнее. — Я взял толстый конверт и обернулся к Полине. — Вы выглядите так, будто я вам не письмо читать собираюсь, а мораль.

— На сей раз я вроде бы не провинилась. — Она послала мне лукавый взгляд из-под полуопущенных ресниц. — Если не считать случая с письмом.

— В случае с письмом вы сразу же были полностью оправданы, — усмехнулся я и взглянул на конверт. — Но, может, хотите сознаться в чём-то ещё?

— Нет-нет, я вела себя очень хорошо и была примерной девочкой. — Полина весело мне подмигнула. — Сидела у себя, писала в дневнике, слушала музыкальную шкатулку, пока вас нет. В ней, кстати, очень красивая мелодия.

И она напела мотив. Голос слегка дрогнул: неужели передо мной волнуется? Надо, надо будет купить Полине проигрыватель, особенно если её возвращение домой затянется. Пусть слушает музыку нормально, а не из какой-то дешёвой шкатулки.

— Это очень известная и популярная ария из оперы «Разлучённые». — Я положил конверт на колени. — Там довольно грустный текст: о том, что парень и девушка больше никогда не увидятся, потому что парень убил обидчика, испортившего её репутацию, и его вот-вот схватят.

— И что, неужели счастливого конца не будет? — Полина слегка подалась вперёд.

— Нет. Парня осудят пожизненно на каторжные работы. Но хотя бы не на смертную казнь. Женщины на представлениях оперы рыдают. Да что там, даже некоторые мужчины пускают скупую слезу.

Я усмехнулся, вспоминая Лину и Мэдейлин, промокающих глаза платками. И Эксера с ними заодно. А вот нас с Яником подобным не проймёшь.

— Неужели и вы тоже? — Полина посмотрела очень серьёзно, но я всё-таки уловил привычную хитринку в глазах.

— Мне, как представителю правосудия, судьба парня не кажется несправедливой. Закон есть закон: парень — убийца. И действовал не в порыве, а выследил жертву и убивал осознанно. Так что суд вынес ему справедливый приговор.

— И почему я не удивлена? — Полина широко улыбнулась.

— Полагаю, потому что начали ко мне привыкать. Но вообще, если отбросить сюжет, музыка и в самом деле красивая, хоть я и мало что в этом смыслею.

— Я бы сходила на эту оперу. Сюжет, конечно, не пойму, но послушала бы с радостью. — И Полина тут же смешалась, стянув края шали. — Ну то есть... это просто... гипотетически. Я не хочу вас утруждать.

— Непременно посмотрю афиши, — пообещал я и открыл конверт.

— О, ну что вы...

— Это не обсуждается, — перебил я. — Вам интересно, значит, сходим. А теперь всё-таки пора посмотреть, что нам прислали Азерисы.

Я вытащил из конверта содержимое. Первыми на глаза попались снимки. Мне нравится хранить и приумножать семейный архив. Главное, не проводить параллели. Но уж слишком много общего у Лины и Полины. Я бездумно уставился на снимок, сделанный возле дома Азерисов. Если не знать, зачем я женился на самом деле, можно и правда подумать, что решил заново устроить личную жизнь. Рядом симпатичная девушка, смотримся мы вместе неплохо. Полина, только недавно пережившая обморок, держится молодцом. Я быстро просмотрел остальные снимки. Может, однажды буду разглядывать их и вспоминать девчонку. А может, у нас успеют появиться ещё совместные карточки.

— Купим для них альбом. — Я выровнял края стопки и отложил карточки на стол. — А ещё лучше, закажем у мастера.

— А может, и не нужно? — Полина тихо вздохнула. — Ведь наша свадьба вроде как не настоящая. Ну то есть...

Я повернулся к девчонке и вскинул брови.

— Главное, что обряд, связавший нас — настоящий. И на снимках мы тоже настоящие. Остальное уже детали.

— Но ведь если вам удастся отправить меня домой, выходит, смысла в этой свадьбе и этих снимках нет.

Вот любит она до всего докапываться... Хотя, кто бы говорил. Пальцы начало слегка покалывать. Не хочу я думать, что будет, когда отправлю девчонку домой.

— Это просто история, Полина. — Я перевёл взгляд на снимки, которые продолжал держать в руке. — Вы в любом случае уже оставили след в моей жизни, как и я в вашей. Думаю, нас уже вполне можно назвать друзьями. А значит, свидетельства этого имеют право на существование. И давайте уже наконец узнаем, что пишут Азерисы.

Я взял первое письмо: судя по тому, что на нём личная печать Бруно, оно предназначено мне. Я сломал печать и развернул письмо.

«Приветствую, Адриэн.

Очень надеюсь, что Вы в добром здравии. Не смел тревожить Вас раньше. Однако всё же считаю долгом поинтересоваться, всё ли хорошо, и не донимает ли Вас Элианна капризами? Удалось ли выяснить, что с её памятью? Или, быть может, она всё вспомнила?»

— Что там? — Любопытный голос Полины отвлёк от чтения. Я повернулся к девчонке.

— Письмо мне от Бруно. Предупреждая ваш вопрос, такова традиция. Родители жены, когда пишут ей впервые после свадьбы, обращаются и к мужу, спрашивают, всем ли устраивает его брак, ну и тому подобные формальности.

Полина невесело хмыкнула, перекинув косу из-за спины на плечо.

— А если не устраивает? Что, просят вернуть, как испорченный товар в лавку?

— Нет, конечно. Если брак подтверждён, вернуть жену уже не получится. — Я невозмутимо пожал плечами. — Но, как я уже сказал, это формальности. Считается, что в случае чего родители могут попытаться повлиять на дочь.

— Извините, конечно, но традиции у вас тут жутковатые. По крайней мере в том, что касается женщин. Прямо как у нас лет двести назад. Хотя и сейчас в некоторых странах женщин за людей не считают, но я настолько привыкла к другому отношению, что это всё кажется дикостью.

Она взяла кончик косы и принялась накручивать на палец. Я исподтишка следил за её действиями.

— Традиции складывались веками, однако это не значит, что все мужчины у нас считают женщин бесправными. Всё зависит от человека. Как, впрочем, и в любой сфере жизни.

— Вы только не подумайте, что я осуждаю вас лично. — Полина слегка подалась вперёд. — Вы как раз относитесь ко мне не как к вещи, ну или... к низшему существу.

— Не спешите делать из меня идеал, — усмехнулся я. — Думаю, в начале нашего знакомства я тоже общался с вами свысока.

— Вы общались не со мной, а с Элианной. — Полина вдруг хитро мне подмигнула.

— Подождите, то есть вы считаете, что Элианна, пусть даже у неё скверный нрав, заслужила плохое обращение? — Я

с притворным осуждением покачал головой. — Не ожидал от вас, Поленька, не ожидал. Тем более учитывая положение женщин на вашей родине.

Девчонка слегка покраснела и потупилась, однако быстро взяла себя в руки.

— Из-за Элианны я здесь, между прочим, и оказалась. Так что можете считать, что у меня предвзятое отношение. К тому же, она вам в лицо плюнула, и мне обидно за вас.

Демоны рогатые, ну вот зачем Азерисы напомнили «дочери» про ту злополучную выходку? Однако от слов Полины в груди расползлась тёплая волна. Всё-таки приятно, что она не стала читать мне мораль и говорить, что Элианна имеет право делать, что хочет.

— Ну, если это так, то мне лестно сознавать, что вам за меня обидно. Однако я не могу утверждать, что считаю себя правым в желании жениться на госпоже Азерис против её воли. Слишком много это принесло разных последствий.

— Но вы сами говорили, что Элианну всё равно выдали бы замуж против её воли.

— Конечно. Никто не позволил бы ей выйти за простолюдина. Однако это уже была бы не моя ответственность.

Знала бы Полина всю правду, не защищала бы меня. И будет лучше, если не узнает.

— Ну теперь уже в любом случае ничего не изменишь. — Полина оставила в покое косу и покосилась на листок в моей руке. — Получается, что родители всегда должны писать и

зятю?

— В дальнейшем общение идёт уже по желанию. Как правило, родители пишут дочери, а с зятем общаются при личных встречах — на семейных праздниках или приёмах.

— И что они пишут?

— Господин Азерис спрашивает, не доставляет ли мне Элианна проблем. Честно говоря, даже не знаю, что им ответить. — Я подмигнул Полине. — Ещё интересуется насчёт памяти.

Я снова развернул листок.

— *«От души надеюсь, что Вы довольны выбором и не жалеете о том, что женились на Элианне. Впрочем, если она всё же ведёт себя неподобающе, будьте с ней пожестче. Она понимает только силу, делать ей внушения бесполезно».*

— Какой прекрасный отец. — Полина поморщилась и сцепила руки. — То есть, если бы вы оказались нехорошим человеком, могли бы делать с Элианной всё, что хотите, а её родители поощряли бы это? Мне в какой-то момент показалось, что Бруно любит дочь и переживает. Но, видимо, я всё-таки ошиблась. Я вообще иногда бываю такой наивной...

Она шумно втянула носом воздух и прикрыла глаза. Я протянул руку и накрыл её ладони своей.

— Пытаться видеть в людях хорошее — не всегда так уж глупо. И потом, два циника под одной крышей — это перебор. Кто-то из нас двоих должен быть добрым и милым.

— Но это плохо заканчивается. Вы же видите: я сама по-

том страдаю из-за своей... доброты. Вот и сейчас...

— Вы явно расстраиваетесь раньше времени. — Я слегка погладил её руки. — Очень даже возможно, ваше чутьё не подвело. Рискну предположить, что Бруно просто не хочет показаться чересчур сентиментальным.

Я убрал руку и продолжил чтение.

«И, прошу вас, держите меня в курсе относительно лечения её странного недуга. Хотелось бы понять, что это было. Надеюсь, он не мешает семейной жизни, и Вас всё устраивает».

— В вашем мире о девушке всегда говорят, как о товаре. — Полина вздохнула и разгладила подол платья. — И как, я вас устраиваю? Может, вы хотите меня за что-то наказать? Теперь у вас есть разрешение от Бруно.

Я внимательно посмотрел на неё. Голова опущена, но вот озорной блеск глаз скрыть ей не удаётся.

— Нюанс в том, что Бруно не ваш отец. С вашим почтенным родителем я пока не знаком.

— А будь Бруно моим отцом, вы бы непременно последовали его советам? — Она подняла голову. Глазища так и искрятся от сдерживаемого смеха. Я тоже невольно улыбнулся. Хитрая маленькая язва.

— А вы как думаете? Считаете, что я мог бы?

Полина миг посерьёзнела и снова опустила взгляд.

— Нет. Извините, Адриэн. Я не знаю, что на меня нашло. Просто всё, что пишет Бруно, ужасно. В любом мире и лю-

бой стране. Никто не заслуживает быть приравненным к вещи! Вы порядочный человек, но ведь на вашем месте мог бы оказаться кто-то испорченный. И какой бы бунтаркой ни была Элианна, она ничего не смогла бы сделать против мужчины и уж тем более против мага.

— Думаю, Элианна сейчас проводит время в объятиях Дарриена и вряд ли печётся о том, всё ли с вами хорошо и не обижает ли вас страшный и ужасный господин Норден. — Я пожал плечами. — Или не разоблачили ли вас и не отправили ли под следствие.

Полина тут же снова потупилась.

— Вот видите, я же говорю, что иногда *слишком* добрая.

— Меня всё устраивает. — Я перевёл взгляд на письмо. — *«Не смею больше отвлекать Вас. Вы всегда желанные гости как в нашем поместье, так и в доме в Леренсе. Я вернусь в город уже на следующей неделе, и в поместье буду появляться лишь в выходные, а Орелия придет в городской дом примерно к ноябрю. За сим кланяюсь, господин Норден, и выражаю Вам почтение. Искренне Ваш, Бруно Азерис».*

Я отложил листок на стол и потянулся за письмом для Элианны.

— И вам нужно ответить на это послание? — Полина слегка откинулась на спинку кресла.

— Да, разумеется. Позже напишу Бруно. Это лишь формальности, но от них никуда не деться. А теперь письмо для

Элианны. — Я развернул лист. — Судя по всему, часть от Бруно, часть от Орелии.

Полина вдруг прыснула.

— «То лапы ломит, то хвост отваливается...», — пробормотала она.

— Что, простите? — Я удивлённо посмотрел на неё.

— У нас есть такой... му-льт-фи-льм... — Девчонка проговорила это слово по слогам, сняв свой артефакт. — Это такие... движущиеся картинки. Их в основном делают для детей, но и взрослые тоже смотрят. В общем, этот *мультфильм* снят по детской книге. Там есть сцена, где герои писали письмо. Сначала мальчик, потом его друг говорящий кот, а после — пёс, тоже говорящий. Каждый рассказывал о своих проблемах. Так вот, у кота, по его словам, было слабое здоровье: лапы ломило и отваливался хвост. По крайней мере, он так написал. Родители мальчика прочитали это письмо и чуть с ума не сошли от переживаний. — Полина развела руками. — Если сможете у меня погостить, я вам обязательно покажу. Просто когда вы сказали, что Бруно и Орелия писали письмо по очереди, мне сразу вспомнился этот момент.

Я хмыкнул. Чудной, конечно, у них мир: какие-то фильмы, планш-шеты и движущиеся картинки. Хотя Полину, например, поражает магия. Вообще, абсурдная у нас ситуация: двое людей из совершенно разных миров удивляются странностям.

— Что ж, самое время проверить, не вырос ли у господина Азериса хвост, — хмыкнул я. Полина звонко расхохоталась. После разоблачения она вообще гораздо чаще смеётся и ведёт себя более естественно и открыто. И такой нравится мне даже больше.

— Господину Азерису ещё и рога не помешают. В нашем мире так изображают *чёрта*, — на последнем слове она снова стянула колечко. — Ну, то есть демона, если по-вашему. А ещё у нас есть шутка про то, что если жена изменяет мужу, у него вырастают рога.

Я невольно рассмеялся.

— У нас говорят, что у обманутого мужа отрастают уши до пола.

— Как интересно. — Полина раскраснелась, в глазах по-прежнему пляшут зазорные искорки. Хотя вообще-то, мне тоже на удивление легко.

— По легенде, когда один обманутый муж давным-давно застал жену с любовником, наслал на соперника заклятие, и у того выросли уши.

— А что, разве заклятием можно отрастить части тела?

— Конечно, нет. Это всего лишь забавная легенда. Хотя, полагаю, некоторые мужчины и хотели бы, чтобы это было правдой.

Полина снова приснула, закрыв лицо руками.

— Опять вы неприлично шутите, — пробормотала она.

— Я ведь не уточнял, какие именно части тела, а если

вы думаете о неприличном, моей вины тут точно нет. — Я постарался, чтобы тон был серьёзным. Только, кажется, не очень-то преуспел.

Полина продолжала смеяться, и у неё даже уши покраснели. Вот что она со мной делает? Мы ведь болтаем о какой-то ерунде, да ещё в таком ключе обсуждаем уважаемых людей. Однако это не кажется чем-то неправильным.

— Всё же не думаю, что у Бруно могут быть рога или длинные уши. — Полина наконец отняла руки от лица. — Госпожа Азерис кажется порядочной женщиной и верной женой.

— Мне тоже так кажется. Но бывает, что в самой добропорядочной и нравственной женщине сидят те ещё демоны.

— «В тихом омуте демоны водятся», — изрекла Полина. — Но вы так говорите, будто в добропорядочных с виду мужчинах не бывает демонов.

— Разве я говорил, что не бывает? Просто речь шла о женщинах, а вы придираетесь.

— Разве я придиралась? — подражая моему тону, ответила Полина и послала мне хитрый взгляд. — Лишь уточнила детали. Так как, почитаете мне про лапы и хвосты родителей Элианны?

— Конечно. Если вы готовы слушать.

Полина прижала ладони к щекам и кивнула.

— Готова.

Я развернул письмо. Понятное дело, что ничего особенно

личного тут не будет.

— «Доброго дня, Элианна», — начал я и пояснил для Полины: — Это Бруно. *«Как твои дела? Надеюсь, ты вняла нашим просьбам и стараешься быть примерной женой господину Нордену. Не забывай, что ты — отпрыск знатного и уважаемого рода и не позорь нашу фамилию. Во всём слушайся супруга и будь покорной. Не начинает ли к тебе возвращаться память? Посылаем тебе карточки со свадьбы. Одну мы оставили себе, а ещё одну выпросила Исидория. Не знаю, какой демон вселился в девчонку, но как узнала, что господин Окрис прислал карточки, едва ли не на колени упала, давай рыдать и просить ваш снимок. Пришлось дать. К счастью, господин Окрис сделал их много. Кстати, о твоей Исидории: они с женихом официально заключили помолвку. Мы дали им некоторую сумму на свадебные издержки. Церемония состоится двадцатого августа. Если вы с супругом захотите приехать, будем рады. Исидория, конечно, тоже».*

Я повернулся к Полине.

— Боюсь, посещать церемонию несколько неосмотрительно. Чем дольше вы общаетесь с Азерисами, тем выше опасность разоблачения.

— Неужели господа посещает свадьбы прислуги? — Полина приподняла брови.

— На официальной части будут присутствовать Азерисы-старшие, причём это почти обязательно: они проследят, чтобы всё проходило как положено. Потом уже слуги будут

веселиться своей компанией.

— Иси очень помогла мне, хотя даже не подозревает об этом. Наверное, она была бы рада моему присутствию. — Девчонка пожала плечами. — Но вы правы: риск слишком велик, да и вам это не нужно и вряд ли захочется ехать так далеко ради неё.

— Меня больше тревожит риск, чем сама поездка. Однако я обязательно пошлю Исидории денег от нашего имени. Им с женихом точно не помешает.

— Спасибо. — В глазах Полины зажёгся радостный блеск. — Мне было неловко просить об этом. И... вы же будете отвечать Бруно? Так вот, передайте ему поздравления Иси от моего имени. — Она вдруг помрачнела и опустила взгляд. — А мне ведь тоже нужно ответить Бруно и Орелии? Конечно, я могу переписать текст, но ведь они знают почерк дочери.

— Элианна имела бы право сама ответить родителям, хоть письмо и прошло бы через меня. Однако учитывая нашу ситуацию, я сам напишу им и просто передам, что вы прочли письма и благодарите их, ну и прочие формальности. В моём случае я лишний раз оправдаю репутацию самодура и человека со странностями.

— Но зачем вам выставять себя в дурном свете?

— У нас всё равно нет другого выхода, и уж лучше я пожертвую своей репутацией, чем вашей безопасностью.

Полина вздохнула и посмотрела на меня... с нежностью? Или это при свете лампы так кажется? Она снова стянула

на плечах шаль и явственно поёжилась, но, похоже, не от холода.

— Так вам дочитать письмо? — Я снова посмотрел на лист, который продолжал держать раскрытым.

— Да, конечно.

— *«Новостей у нас, в общем-то, нет. Всё по-старому. Главное, все живы и здоровы. Я на следующей неделе возвращаюсь на службу, так что буду в Леренсе. Впрочем, я уже написал господину Нордену о том, что вы всегда желанные гости. Что ж, надеюсь на твоё благоразумие и на этом прощаюсь. Любящий тебя, Бруно».*

Я перевернул лист. У Бруно почерк мелкий и буквы он не связывает, у Орелии — типичные крупные и аккуратные буквы прилежной ученицы пансиона.

— Дальше послание от Орелии. *«Доброго дня, Лиа. Надеюсь, ты уже освоилась в новой роли семейной женщины и помнишь мои предсвадебные наставления. Ты даже не можешь вообразить себе счастье матери, удачно выдавшей дочерей замуж. Впрочем, предположу, что материнское счастье ты познаешь уже совсем скоро. Кстати, тётушка Эжения передаёт тебе привет. На следующей неделе в поместье приезжают погостить Руэны. Их Равэнна, оказывается, недавно обручилась. Вот уж неожиданная новость!»*

— Интересно, кто это, — пробормотала Полина. — Про тётушку Эжению я слышала, а вот про Руэнов — нет.

— Не думаю, что это так важно. Вы всегда можете сказать, что никого не помните.

— Наверное, да. — Девчонка снова зябко поёжилась. — Главное, что мне не придётся писать самой и выкручиваться.

Скорее бы уже дочитать письма. Быстро ответить и на некоторое время забыть про Азерисов.

— *«А ещё мне написала Ирмэ, рассказала, что ты посещаешь театральный кружок, и восхищалась твоей игрой на пианино. Мне радостно было узнать, что ты изменила отношение к музицированию».*

— Ох уж этот кружок. — Полина спрятала лицо в ладонях. — Так я и думала, что слухи быстро дойдут до Бруно и Орелии. Хорошо хоть он сегодня отменился.

— Не переживайте так, ничего подозрительного в вашей игре не было. Элианна обучалась музыке, любила она играть или нет, знают лишь её близкие знакомые, а всё остальное можно списать на потерю памяти. Видите, даже Орелия не сочла это чем-то из ряда вон выходящим.

— Вы так мило пытаетесь подать мой промах как нечто незначительное. — Полина смущённо улыбнулась. — Но я всё равно чувствую себя виноватой.

— Бросьте. — Я переключил внимание на письмо. — *«Знаешь, я, может, сейчас скажу ужасную вещь, но потеря памяти явно пошла тебе на пользу. Впрочем, как и замужество. Нам с Бруно не приходится за тебя краснеть, и одно это уже прекрасно. Может, ты наконец остепенишься*

и станешь вести себя так, как подобает добропорядочной женщине. Пока что мы с отцом довольны тобой. И очень ждём приятных известий о грядущем прибавлении. Чем скорее это произойдёт, тем лучше. Крепко обнимаю тебя, Орелия».

Я сложил письмо и посмотрел на Полину. Не стоило, наверное, читать про прибавление. Она опять опустила плечи и кутается в шаль.

— Интересно, а если бы не обязательное чтение мужем переписки, Азерисы написали бы Элианне хоть что-то личное и тёплое? — Голос девчонки прозвучал глухо. — Это же какое-то сплошное чтение морали, а не послание от родных людей.

— Кто знает. — Я отложил письмо на стол. — Возможно, дело в самих Азерисах, потому что, насколько помню, Лина тепло общалась с родителями в письмах, как и они с ней.

Я вздохнул. Всё-таки странно говорить о Лине с другой девушкой. Но в то же время... мне будто становится легче, когда в открытую говорю о ней. Она будто снова оживает.

— В таком случае можно лишь пожалеть Элианну. — Полина подняла голову. — Может, поэтому она и кинулась в объятия Дарриена, потому что родители видели в ней лишь возможность выгодно выдать её замуж.

Я протянул руку и взял коробочку с переговорником.

— Вполне допускаю, что юная госпожа Азерис могла нарочно прыгнуть в постель к Дарриену, чтобы отомстить ро-

дителям и перестать представлять интерес для нужных женихов. Но, пожалуй, не соглашусь, что её стоит жалеть. Будь она более покладистой и послушной, смогла бы поучаствовать в выборе жениха, а не портить свою репутацию. Впрочем, это её проблемы. А у нас с вами есть дела поинтереснее, чем обсуждать её выбор.

Глава 7

Глава 7

Полина

Я слегка подалась вперёд и заврожённо наблюдала, как Адриэн открывает ту самую коробочку. Он мельком показал её мне ещё перед ужином. Даже слегка задержался из-за того, что заезжал в лавку некого мастера Риза, специалиста по переговорникам. Замочек на крышке поддался, слегка щёлкнув, и я с любопытством уставилась внутрь.

На чёрной и явно мягкой ткани лежит полупрозрачный сиреневатый прямоугольник со вставленными в него кристалликами. Их всего три. Я покосилась на переговорник, стоящий на столе Адриэна: он гораздо больше, и кристаллов в нём тоже больше. Кажется, девять. А рядом с прямоугольником ещё несколько камешков, только квадратных.

— Мой переговорник мощнее, с его помощью можно связываться не только с близкими или начальством, но и, скажем, с дежурным на входе в дом правосудия. — Адриэн явно заметил, что я сравниваю. — Вам же пока вполне будет достаточно этого.

Он вынул переговорник и протянул мне. Я не без опаски взяла его. А он довольно тяжёлый, сделан из какого-то кам-

ня. Я взвесила его на ладони. Хотя, наверное, всё-таки не тяжелее смартфона.

— Это, собственно, сам переговорник. — Адриэн отставил коробку на стол. — Вот эти квадратные артефакты дают ему дополнительную мощность. Если он перестанет работать, вы просто их замените. Пока он вообще пуст.

— В каком смысле пуст? — Я посмотрела на переговорник: на просвет очень красивый камень. С более тёмными прожилками и, кажется, даже слегка переливается.

— Не заряжен магией.

— Только не говорите, что для этого снова нужна кровь. — Я изобразила страдальческий тон и с опаской глянула на артефакт в своих руках. — Кажется, скоро тут из меня её всю выкачают.

Адриэн усмехнулся и отложил коробочку на стол.

— Я же не повёз вас с Эксерсу. Нет, для переговорника достаточно магии. Впрочем, если силы мага недостаточно, можно купить уже заряженные кристаллы. Однако они стоят дорого, так как магическим ресурсом готовы делиться далеко не все.

— Что значит делиться магическим ресурсом? — Я подняла взгляд от переговорника. — Неужели можно продавать свою магию?

— Можно, конечно. Так же, как некоторые продают тело, например. — Адриэн усмехнулся и стянул со стола карандаш. — Только делается это строго конфиденциально и

с разрешения.

Я нахмурилась и осторожно положила переговорник на стол.

— Представить не могу, как это. То есть вы приходите, говорите, что хотите продавать магию, подписываете какой-то договор... или как это вообще происходит?

— Иногда, если человек сильно ранен и серьёзно болен, ему нужна дополнительная кровь. Любой человек, чья кровь подходит, может ей поделиться.

— О, у нас тоже так делают. Это называется донорство.

Адриэн кивнул и повертел в руках карандаш.

— Вот видите, вас же это не удивляет. Примерно так же происходит и с магией. Целитель с дополнительным ментальным даром, имеющий соответствующее разрешение, смотрит мага: достаточно ли у него силы, нет ли примесей опасных заклятий и всё в таком духе. Чтобы сила была чистой.

Я прижала пальцы к вискам, осмысливая сказанное.

— Конечно, это в идеале. — Адриэн криво ухмыльнулся.

— Однако незаконную продажу и покупку магической силы никто не отменял. Это несколько дешевле и проще, чем действовать по закону.

— А в чём разница... ну, кроме разрешений?

— В том, что магическая сила идёт на законные вещи. — Он задумчиво уставился на карандаш. — Например, вот на такие заряжающие кристаллы. Ситуации бывают разные: маг

может болеть, кристаллы нужны одинокой женщине, у мага небольшой резерв, а силы нужно много. Ну и так далее.

— А подпольная?

— Как правило, на разные нехорошие дела. Даже на убийства.

«Всех, кроме Лины, убили магическим способом. Убийца использовал тёмные артефакты-накопители». По телу прокатилась ледяная волна, и я поёжилась, закутавшись в шаль.

— Впрочем, наверное, я зря вам всё это говорю. — Адриэн будто мои мысли прочитал. — Мы здесь вроде как не для этого.

— Мне интересно всё, что связано с магией и вашим миром. — Я бросила рассеянный взгляд на концы шали. — Даже примерно не могу представить, как ощущается магическая сила и как ей управлять.

— Наверное, человеку не владеющему даром, и не понять. — Прозвучало без самодовольства или хвастовства, просто как факт. — Это, конечно, сложнее умения ходить или говорить, но тем не менее ощущается как часть тебя. Особенно, когда наконец полностью можешь полностью управлять даром.

Он немного помолчал, словно раздумывая, что стоит говорить, а что нет. Покрутил карандаш и продолжил:

— Но у всего есть обратная сторона. У дара бывают неожиданные всплески, откат от которых, как вы сами виде-

ли, не слишком приятен. Чаще всего такое случается в детстве и ранней юности, когда дар ещё проявляется спонтанно и не подчиняется воле. Защитные амулеты не дают его последствиям выплёскиваться наружу, но самому магу приходится переживать крайне неприятные моменты. Иногда приходится даже приглашать целителя, чтобы откат не навредил слишком сильно.

— Какой ужас. — Я слегка покачала головой и попыталась представить, каково это. — Получается, это и дар, и одновременно проклятие.

— Наверное, можно и так сказать. Но когда ты живёшь с этим с детства, как-то перестаёшь задумываться. Воспринимаешь как данность, и всё. Ничего совершенного в любом случае не бывает. Даже когда дар полностью под контролем, сильные переживания могут вызвать выброс магии. Считается, что именно поэтому боги не наделили магическим даром женщин.

— Да, Исидория говорила что-то об этом. Вроде как женщины слишком подвержены эмоциям или что-то такое. — Я пожала плечами. — Можно подумать, что не бывает неуравновешенных мужчин.

Я слегка вздрогнула. На память невольно пришли слова Мэдейлин о том, как Адриэн разносил Рониэлю дом после гибели семьи. Впрочем, разве можно его за это осуждать? Не стоило ступать на эту скользкую дорожку...

— А разве я это отрицаю? — Адриэн тоже усмехнулся. —

Но мужчине всё же проще взять верх над чувствами. К тому же, женщины в силу своего устройства страдают перепадами настроения в определённые... дни месяца.

Я почему-то смутилась и поспешно опустила голову, чтобы Адриэн этого не увидел. Вот ведь... Попала в другой мир и стесняюсь естественных вещей.

— Да и вынашивание ребёнка тоже не способствует стабильному настроению, — продолжил муж. — И предупреждая ваш скепсис, сразу скажу: разумеется, все женщины разные, как и мужчины. Однако отсутствие у женщин магии — данность, и поделать с этим ничего нельзя.

Я всё-таки не удержалась и хмыкнула, подняв взгляд на Адриэна.

— И уж кто-кто, а мужчины этому наверняка ужасно рады. Можно лишний раз напомнить женщине, где её место.

— Конечно, это же смысл нашей жизни. — Его тон прозвучал серьёзно и невозмутимо. — Кстати, я вам сегодня, кажется, ещё не напоминал, где ваше место? Предлагаете исправить упущение?

— И опять вы издеваетесь. — Я закатила глаза. — Ведь я говорила не про вас, а про мужчин в целом.

— Чем же я, по-вашему, отличаюсь от мужчин в целом? — Адриэн покрутил карандаш в пальцах и перевёл внимательный взгляд на меня.

— Мне кажется, вы достаточно самолюбивы и сами это знаете.

— У вас сложилось обо мне странное представление. Я вовсе не страдаю излишней самовлюблённостью и способен трезво оценивать и свои недостатки, и достоинства.

— И всё-таки вы считаете правильным, что женщины не одарены магией, — поддела я и оперлась на подлокотник. — При этом сами же сказали, что мужчины тоже не всегда уравновешенны.

Карандаш в пальцах Адриэна на какой-то миг замер.

— Опытный маг умеет распределять излишки и сбрасывать их в безопасном для окружающих месте.

В душе заскреблось чувство вины. Я опустила взгляд на колени и пробормотала:

— А я приставала к вам с этими кустами в саду...

Адриэн задумчиво уставился куда-то в стену.

— У вас на то были свои причины, в которых я, собственно, по большей части виноват. Именно поэтому я исправил сделанное.

— А я так надеялась, что вы посадили кусты обратно из-за симпатии ко мне. — Я притворно вздохнула. — Но оказывается, вы просто чувствовали вину...

— Боги, как же вы любите всё перевернуть с ног на голову. — Адриэн ухмыльнулся и слегка откинулся на спинку кресла. — А вам не приходило на ум, что если бы я не испытывал к вам симпатии, то не чувствовал бы вину за чтение сознания и его последствия?

В груди сразу потеплело, и губы сами собой начали рас-

ползаться в улыбке, но я усилием воли сдержала её.

— Может, это очевидно вам, — я притворно насупилась, — но мне точно нет. Я не менталист и, наверное, не очень проницательна.

— А я думал, что женщины как раз умеют догадываться о подобных вещах.

— Или надумывают то, чего нет?

— Что ж, хорошо, будь по-вашему. Да, я вернул кусты на место исключительно из чувства вины. Надеюсь, такой ответ вас устраивает. — На лицо мужа будто тень набежала. — Ну и, пожалуй, хватит с вас теоретической части. Давайте я заряджу артефакты, и вы попробуете связаться со мной.

Я поёжилась. Непонятно, Адриэн в самом деле обиделся или издевается? Он положил карандаш на стол и взял коробочку.

— На всякий случай отойдите мне за спину, — сухо попросил он. — Конечно, силы тут много не нужно, но учитывая все нюансы, лучше не рисковать.

— Подождите, Адриэн. Я... не хотела вас обидеть, — пробормотала я и сжала руки. — Ну то есть... я верю, что вы сделали это из симпатии ко мне и...

— Поленька, — Адриэн повернулся ко мне всё с тем же серьёзным выражением лица, — я уже не раз говорил, что обидеть меня невозможно. У вас это точно не получится, потому что вы слишком...

— Глупая? — Я похлопала глазами.

— Слишком милая. — Адриэн подмигнул мне. — Я всего лишь ответил на вашу подначку в вашем же духе. Но, как я уже не раз говорил, мне нравится выбивать вас из равновесия.

Ну кто бы сомневался.

— Ничего-ничего, — протянула я. — Когда-нибудь точно научусь не реагировать на ваши подначки.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. — Муж снова бросил на меня серьёзный взгляд.

Я поднялась на ноги. Сбросила шаль и отошла за кресло Адриэна, встав чуть правее, чтобы видеть, что происходит на столе. Сердце снова болезненно сжалось. Будет ли у меня время, чтобы и правда научиться понимать мужа с полуслова? А может, как раз наоборот, будет вся жизнь? И я никак не могу решить, что же лучше.

Адриэн между тем поправил рукава рубашки и поднёс ладони к кристаллам. Сначала ничего не происходило, только воздух вокруг будто стал плотнее, так что в висках появилось неприятное ощущение, и заложило уши. Однако спустя несколько секунд кристаллы начали светиться. Всё ярче и ярче, пока вдруг не вспыхнули так, что глазам стало больно. И погасли.

Странно! Неужели так и должно быть?

— Что, всё сломалось? — тихо спросила я: слух вроде бы вернулся.

Адриэн повернулся ко мне, на его губах появилась полу-

улыбка.

— Если бы всё «сломалось», от этих артефактов остались бы оплавленные бесформенные комки, — усмехнулся он. — Напротив, когда они перестают светиться, это означает, что впитали достаточно силы и можно вставлять их в переговорник. Сейчас я заряжу и его тоже.

Он взял коробочку, и всё повторилось: воздух снова будто ожил, уши заложило ещё сильнее, переговорник засветился, вспыхнул и погас. На сей раз лёгкий шум в ушах не прошёл сразу. Я попыталась вздохнуть, но ничего не вышло. Горло сдавило паникой, но в ту же секунду воздух стал легче. Я наконец смогла сделать вдох.

— Готово. — Адриэн обернулся ко мне. — Что ж, можно начинать.

Я снова вдохнула, наслаждаясь тем, как воздух свободно заполняет лёгкие. Смахнула набежавшие слёзы.

— Да, конечно. — Я кое-как выдавила улыбку и потёрла правое ухо, пытаюсь прогнать пелену.

— Как вы себя чувствуете? — в его голосе послышалась обеспокоенность.

Я прислушалась к ощущениям.

— Вроде бы всё нормально. Уши слегка заложило и дышать тяжело, но это ерунда, просто...

Адриэн вскочил на ноги так быстро, что я даже слегка отшатнулась. Он на это внимания не обратил: крепко обхватил меня за талию и подвёл к креслу, где я сидела до этого. Сво-

бодной рукой слегка отодвинул его подальше от стола. Осторожно отпустил меня и помог сесть.

— Может, вам стоило бы... немного расстегнуть ворот?

— Он выразительно посмотрел на три пуговицы под горлом выбранного мной на вечер платья. — Дышать будет легче.

Ну уж нет, не стану я смущать бедного мужика.

— Адриэн, со мной всё правда в порядке. Не переживайте так.

Однако муж только недоверчиво покачал головой.

— Сейчас налью вам воды. Старайтесь не двигаться, чтобы не создавать лишнего напряжения.

Он взял со стола графин и стакан, плеснул туда воды и подошёл к моему креслу. Опустился на корточки рядом. Протянул мне стакан, но не отпустил совсем, придерживая. От лёгкого, почти невесомого прикосновения его пальцев по рукам поползли мурашки.

— Я не рискую сейчас делиться с вами силой, потому что вы и так получили откат. — Он взглянул в моё лицо с очень обеспокоенным видом. — Боюсь, как бы всё это не ухудшило ваше самочувствие.

От его заботы в груди разлилась приятная тёплая волна, а в носу подозрительно защипало. Нет, ну разве не мило, что он так обо мне переживает? Я всё-таки забрала из его рук стакан и сделала пару глотков.

— Но я правда чувствую себя нормально, — пробормо-

тала я. — Ничего похожего на то, что было в «Сайлентисе» или после чтения сознания.

Муж заметно помрачнел, а у меня неприятно заныло под ложечкой. Вот зачем я упомянула именно про те случаи? Получается, будто опять напоминаю ему о неприятном.

— В смысле, тогда я чувствовала влияние магии, но сейчас... — Я неопределённо махнула рукой.

— То, что у вас заложило уши, нехороший признак, — обеспокоенность из его голоса не исчезла. — Я задействовал очень маленький поток силы, и если у вас даже от него такая реакция... это странно.

Я поёжилась, продолжая сжимать в пальцах стакан. Адриэн поднялся на ноги и остался стоять, задумчиво потирая щёку.

— Наверное, нам стоит отложить опыты с переговорником. Вы отдохнёте, восстановите силы и тогда попробуем.

— Ну не-ет, пожалуйста, давайте попробуем сегодня, — воскликнула я. — Я уже в порядке, правда.

Чувствую себя, как ребёнок, которому пообещали новую игрушку и передумали. Адриэн перестал тереть щёку и несколько секунд задумчиво смотрел куда-то в никуда. Повернулся ко мне, осмотрел, будто оценивая. В комнате повисло какое-то неуютное молчание. Неужели из-за такой ерунды он всё отменит? Не может же всё быть так серьёзно.

— Хорошо, — наконец кивнул Адриэн, — но вы должны пообещать, что если снова почувствуете что-то неладное,

скажете мне. Учтите, это всё может быть очень серьёзно.

— Обещаю! — Я радостно подалась вперёд.

Муж по-доброму усмехнулся и снова сел в кресло. Взял переговорник и посмотрел на меня.

— Приложите к нему ладонь, чтобы образовать связь.

Я послушно протянула руку и накрыла коробочку. На ощупь она тёплая: видимо, последствия «зарядки». Адриэн тоже протянул руку и накрыл мою. По пальцам прошла странная волна, однако ощущения от неё скорее приятные. Даже... возбуждающие. Так, надо срочно успокаиваться. Это явно часть магических штучек, а я уже схожу с ума. Адриэн не спешил убирать руку. Может, так надо, но кажется, будто ему тоже не хочется меня отпускать. Я слегка повернула к нему голову, и как раз в этот момент он всё-таки убрал ладонь, заодно сняв с переговорника и мою. Слегка задержал её в своей и с беспокойством посмотрел на меня.

— Вы хорошо себя чувствуете?

Каким же он бывает мнительным!

— Со мной всё в полном порядке. — Я бодро закивала.

— Что нужно делать дальше?

Адриэн отпустил мою руку, взял переговорник и протянул мне.

— Пока вы можете связываться только со мной. В более сложно устроенные переговорники вроде моего можно «вшить» несколько возможных собеседников, но, думаю, пока вам это не нужно. Приложите ладонь к переговорнику.

Я снова накрыла коробочку рукой. Воздух вокруг будто начал слегка вибрировать, и спустя пару секунд по комнате поплыл звон. Адриэн лишь слегка вскинул ладонь.

— Как вам меня слышно? — спросил он. Его голос раздался в ушах будто с лёгким эхо.

Так бывало когда-то с детства, если включить одну и ту же станцию на радиоприёмнике и магнитофоне. Маленькую меня это всегда смешило.

— Хорошо, только голос будто раздваивается.

— Я слышу вас так же, потому что мы слишком близко. К тому же, это может создать ненужное усиление магии. Попробуйте оборвать связь: просто уберите руку с переговорника.

Я отдернула руку, и лёгкий шум в ушах прекратился.

— А как правильно отвечать на вызов в вашем мире? У нас, например, говорят «алло». Некоторые — «слушаю», а кто-то и просто «да».

— У нас каждый отвечает сообразно ситуации. Если речь о друге или близком человеке, приветствуем, как привыкли. Зачастую просто начинают разговор без церемоний, чтобы не отнимать заряд у переговорника.

— А можно ли понять, кто именно вас вызывает, если переговорник рассчитан не на одного собеседника, как ваш?

— Переговорники соединены магией, так что да, если сосредоточиться, можно понять по магическому потоку. Это, конечно, некоторая трата силы, но иногда полезно знать, че-

го ждать. — Адриэн пожал плечами. — Особенно, когда у тебя такие друзья, как Эксерс и Рэмис: важно настроиться на их волну, если не успел принять успокоительное зелье.

Я рассмеялась.

— Кажется, вы слишком строги к друзьям.

— Узнаете их получше, наверняка примете мою сторону, — хмыкнул муж. — Я их, конечно, люблю, но от них бывает слишком много суеты.

— Я и так на вашей стороне, как порядочная жена. — Я закусила губу и хитро глянула на Адриэна. — И вполне понимаю ваше стремление к спокойствию. Вы вообще такой серьёзный. Голос разума.

— Рад, что вы считаете меня голосом разума. Надеюсь, будете и дальше так же уважать мужа. — Он приосанился, положив руку на подлокотник, и бросил на меня вроде бы серьёзный взгляд. Только я-то его уже немного знаю и не поведусь на эту картинную позу.

— Разве не похоже, что я безмерно вас уважаю? — Я демонстративно склонила голову.

— Мне нравится ваш настрой. — Адриэн усмехнулся. — Но давайте продолжим наши опыты. Я сейчас уйду в сад и свяжусь с вами оттуда.

Он подхватил свой переговорник и встал из кресла.

— А как принять вызов? — спохватилась я.

— Нужно положить руку на переговорник. Вот как раз и попробуете. — Он кивнул на коробочку у меня в руках.

— А когда вы говорите с кем-то, слышно ли окружающим вашего собеседника или только вас?

— Если вы разговариваете по переговорнику в чьём-то присутствии, вашего собеседника он не услышит, только вас. Когда беседа совсем уж конфиденциальная, можно повесить полог тишины с обеих сторон, тогда не будет слышно никого.

— Что ж, разумно. — Я глубокомысленно покивала и осторожно погладила переговорник.

— Хотите спросить о чём-то ещё? — Адриэн замер на пороге.

— Нет, благодарю вас.

Он кивнул и быстрым шагом вышел из комнаты. Я прислушалась: открылась входная дверь, какое-то время ничего не происходило, а потом по комнате разнёсся звон, на сей раз уже от моего переговорника, но чуть более мелодичный, чем у Адриэна. Коробочка начала слегка подрагивать. Ну прямо режим вибрации, как у смартфона. Я положила руку на переговорник, и вздрогнула, услышав тихое:

— Слышите меня?

Странный эффект! Голос мужа раздаётся не из коробочки, что было бы логично, а будто из воздуха рядом со мной.

— Д-да, всё слышно отлично, — запинаясь, проговорила я. — А вы далеко отошли?

— Стою недалеко от окна кабинета.

Я вскочила на ноги и подбежала к окну. Слегка отодвинув штору, выглянула в сад. Однако после освещённой комнаты

в темноте ничего не смогла разглядеть.

— И где вы? — тихо спросила я.

В ушах раздался смешок, снова с эффектом эхо.

— Теперь прямо под окном.

Глаза немного привыкли к темноте, и в свете лампы из кабинета я в самом деле разглядела Адриэна совсем рядом со стеной дома. Очевидно, он сбросил вызов, потому что в ушах пропало ощущение посторонних призывов.

— Если хотите, выходите в сад, попробуете связаться со мной здесь.

— Конечно хочу! Уже бегу.

— Нет-нет, не стоит. Чем медленнее вы пойдёте, тем мне спокойнее.

Я многозначительно фыркнула, развернулась и направилась в коридор. Фонарь над входом отлично освещает ступени и дорожку, а вот остальная часть сада тонет в темноте. Я приподняла подол платья и осторожно сошла вниз. Адриэн вышел из темноты так неожиданно, что я дёрнулась и едва не выронила переговорник.

— Вы так шарахаетесь, как будто здесь может быть кто-то чужой. — Адриэн осторожно взял меня за локоть, видимо, боясь, что я от страха упаду. — Я решил, что вам небезопасно спускаться по лестнице, но вы на сей раз оказались чересчур шустрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.